

ВАДИМ ПАНОВ

ЗАПАХ
СТРАХА

ТАЙНЫИ ГОРОД

Тайный Город

Вадим Панов

Запах страха

«ЭКСМО»

«Панов Вадим»

2008

Панов В. Ю.

Запах страха / В. Ю. Панов — «Эксмо», «Панов Вадим»,
2008 — (Тайный Город)

ISBN 978-5-699-28499-3

Жестокое убийство в одном из московских парков обескуражило профессионалов из МУРа. По всему выходило, что преступник обладает сверхъестественными способностями. И это оказалось истинной правдой! Следы преступления вели в Тайный Город – надежно укрытую среди современного мегаполиса, обитель магов и чародеев, потомков древних властителей Земли... А дальше было еще интереснее – бунт Красных Шапок, кровавая охота за сокровищами Степана Разина, амбиции молодой ведьмы и, конечно, не обошлось без одного из самых сильных человеческих (и не только человеческих) чувств – Страх! Все смешалось в Тайном Городе, судьба которого вновь оказалась в руках наемников-челов – Артема и Кортеса!

ISBN 978-5-699-28499-3

© Панов В. Ю., 2008

© Эксмо, 2008

© Панов Вадим, 2008

Содержание

Пролог	5
Глава 1	13
Глава 2	40
Конец ознакомительного фрагмента.	65

Вадим Панов

Запах страха

Пролог

*Москва, Битцевский парк
за два года до описываемых событий*

Гулять по московским паркам Карина любила с детства. Именно по паркам, а не тенистым скверам в уютных двориках, которыми было наполнено ее родное Кожухово, старый, когда-то очень похожий на деревню район. И не по аллеям Бульварного кольца, стиснутым шумными дорогами. Куцые островки зелени оставляли девушку равнодушной, они не могли подарить ей чувство внезапно обретенной свободы, ощущение побега от нагромождения высотных домов, не наполняли душу настоящим покоем. Поэтому Карина предпочитала парки, еще лучше – лесопарки. Лосиный Остров и Сокольники, Измайлово и Покровское-Стрешнево, Нескучный сад, Воробьевы горы... Там она любила проводить время больше всего на свете. Карине нравилось бродить по петляющим между деревьями и густым кустарником дорожкам, которые то и дело пересекали шустрые белки. По ускользающим в разные стороны тропинкам, то бегающим по кругу, то теряющимся в неизвестных далях и, казалось, способным завести в неожиданные, невозможные для современного мира места. Карина любила чувство нереальности, возникающее в больших московских парках. Только что – широкие улицы и панельные многоэтажки, плюющие дымом машины и шум толпы, но ты делаешь шаг и оказываешься в окружении деревьев, беспечно потряхивающих листьями, словно зелеными монистами. Ощущаешь ни с чем не сравнимый запах травы и цветов. Запах земли. Исчезает вонь выхлопной гари, пропадает желание торопиться, время не бежит, а плавно и размеренно отсчитывает наполненные покоем минуты. Спешка теряет смысл. И Карина могла бесконечно долго, совсем не чувствуя усталости, бродить по тропинкам или сидеть на лавочке до самого заката.

И в какой-то миг ей начинало казаться, что сонный шелест леса переносит ее в совершенно другой мир, не имеющий ничего общего с надоевшим городом. В мир, в котором асфальт так и никогда не появится, а дымом тянуло лишь от редких костров. В мир свежего ветра и звездного неба.

Карина не знала, почему у нее возникает это чувство, но ей нравилось его испытывать. Наслаждаться им. Она купалась в ощущениях, что дарили ей московские парки, и верила, что мир, в который она погружается, – хорош, ведь иначе она бы не испытывала такого покоя и умиротворения.

И зачарованная лесом, улыбающаяся под сводами ветвей, Карина все чаще и чаще возвращалась к мысли, которая пришла ей в голову в далеком детстве, в тот день, когда она впервые оказалась в городском лесу, к мысли о том, что у московских парков есть тайна, доступная лишь избранным. Что есть в их существовании некий сакральный смысл, что предназначены зеленые острова не только для того, чтобы давать приют детям, влюбленным парочкам и любителям шашлыков.

Наверное, подобные мысли приходят в головы многим детям, ведь мир для них переполнен загадками, которые только предстоит разгадать, вопросами, на которые так хочется получить ответ, и секретами, конечно же – веселыми и забавными.

Однако, в отличие от большинства сверстников, Карина сумела сохранить эту свою детскую убежденность. Она не исчезла из жизни девушки, не растворилась вместе с пониманием того, что чудес не бывает, Деда Мороза изображает сосед дядя Петя, а феи живут исключи-

тельно в сказках. Правду о Деде Морозе Карина пережила спокойно, а вот насчет парков осталась при своем мнении. Она продолжала ощущать атмосферу тайны, окутывающую городские леса, и однажды была вознаграждена за это.

Ей посчастливилось открыть секреты древней Москвы. Увидеть свой родной город с другой стороны. Узнать правду.

И теперь она гуляла в по-настоящему знакомых парках. Теперь она знала не только то, куда ведут тропинки Сокольников или Серебряного Бора, но и то, что скрывается в зеленом полумраке леса. Знала о тех, кто смотрит на москвичей сквозь листву...

– Сегодня здесь мало челов, – задумчиво обронила Карина, медленно шагая по парковой дорожке.

– Кого? – переспросил Виктор.

– Э-э... – Девушка слегка смутилась. – Людей. Я хотела сказать – людей.

– Странное словечко, – заметил Крохин.

– Дурацкий сленг, – махнула рукой Карина. – Прицепился, блин, сама не рада.

И машинально поправила висящий на груди кулон, выполненный в форме цветка. Украшение казалось дешевой бижутерией: деревянные лепестки, веревочные висюльки с деревянными же бусинками, а в центре – стеклянный глазок, переливающийся всеми цветами радуги. Однако кажущийся простеньким глазок менял цвета не благодаря растворенным в стекле краскам, а из-за бурлящей в нем магической энергии. Кулон был артефактом – «Дразнилкой», он испускал слабые гипнотические волны, которые привлекали к его обладательнице мужские взгляды, и в этом сезоне считался самым модным украшением у молодых фей Зеленого Дома.

– Кстати, я уже говорил, что ты потрясающе выглядишь? – промямлил Виктор.

«Говорил. И не один раз».

Карина вдруг подумала, что для Крохина «Дразнилка» не нужна, пустая трата магической энергии, он и так с нее глаз не сводит.

– Посидим в кафешке?

– Давай!

Виктору было все равно что делать, лишь бы вместе с Кариной.

Ребята взяли кофе, мороженое и уселись за пластиковый столик под сине-белым зонтиком. Легкий ветерок трепал оборки зонтика и слегка гасил летний зной, словно напоминая, что скоро, всего через три недели, придет осень. А вместе с ней...

– Значит, техникум? – протянула девушка, продолжая начатый по дороге разговор.

– Колледж, – поправил Карину Виктор. – Электротехнический колледж.

– Будешь монтером?

Чего в ее голосе больше: превосходства или разочарования? Крохину очень хотелось, чтобы второго. Нет, конечно, хотелось, чтобы ни первого, ни второго, чтобы в голосе и взглядах девушки угадывались совсем иные чувства, но куда денешься от правды? Карина имела право и на превосходство, и на разочарование. Она поступила в престижный институт, у нее появились перспективы, а он...

– Могу и монтером, – насупился Виктор. – Но, по правде, я буду специалистом в области сетей. Все эти программисты и прочие юзеры, они лишь на клавиши давить горазды, а я буду знать, как все работает.

– Интернет?

– Всё. Я буду заниматься основой, а потому... – Крохин помолчал, а потом неожиданно для себя произнес любимую фразу мамы: – Без куска хлеба не останусь. Такие специалисты всегда нужны.

Джигиты, потягивающие холодное пиво за соседним столиком, не сводили с Карины глаз. Возможно, причиной тому стали тонкие белые брючки, игриво облегающие длинные ноги

девушки, и блузка, расстегнутая ровно на столько пуговиц, чтобы дать понять, что Карина не прочь пофлиртовать. А возможно, до них дотянулись игривые щупальца «Дразнилки».

Девушка вновь потеряла кулон и вздохнула:

– Я не хотела тебя обидеть, Кроха, просто...

Просто парень из техникума не вписывается в круг.

Она не закончила фразу, не могла закончить, никогда не сказала бы это Виктору в лицо, но Крохин услышал. Опустил голову и помешал ложечкой кофе.

Круг.

Дети выбирают друзей неосознанно, повинуюсь подсознательным сигналам, ориентируясь только на характер, на поведение и ни на что более. Дети тянутся друг к другу искренне, инстинктивно определяя наиболее подходящего для игр товарища. И редко ошибаются, ибо дети равны.

Подрастая, они начинают понимать, что становятся разными, что с кем-то им интересно, а с кем-то скучно. Но самое главное, им приходит в голову, что дружба может быть выгодной. Что кто-то в классе – сильный, может при необходимости защитить, а другой – умный, всегда даст списать. Что у кого-то есть велосипед, а у кого-то компьютер и много интересных игр. Возникнув один раз, подобные критерии остаются навсегда. Они постепенно меняются, их становится больше, они кажутся очень важными, важнее всего... и возникают круги.

Первый сигнал прозвучал в предпоследнем классе, когда успешные родители Карины переехали в новую квартиру в престижном районе Москвы. Теперь они жили на Ленинском проспекте и постепенно забывали козюховских знакомых. Новые заботы, новые друзья, новая жизнь. Именно тогда Виктор услышал от матери: «Дубовы стали людьми другого круга», однако решил, что к ним с Кариной это не относится. Он продолжал мотаться к своей девчонке через полгорода, звонил ей каждый день и делал все, чтобы она о нем не забыла, не вычеркнула из «своего круга». Он хотел быть рядом и кропотливо подмечал каждую деталь, которая доказывала, что Карина, несмотря ни на какие «круги», ничуть не изменилась. Поначалу деталей было много, однако время шло, и жизнь брала свое. Карина стала иначе одеваться, по-другому вести себя, по-новому говорить... И вот теперь – техникум.

Впрочем, тут она права. Крохин корил себя за неудачно сданные в институт экзамены, и даже то, что в итоге он оказался в очень хорошем колледже, ничего не меняло. Амбиции требовали от Виктора большего, а вот способности...

Джигиты громко засмеялись, Крохин перехватил адресованную ему ухмылку и вздрогнул. Но ведь не встанешь, не предложишь уйти из-за того, что не нравятся соседи. Это не по-мужски.

– У тебя первого сентября занятия начинаются? – невпопад спросил Крохин.

– Уже начались, – махнула рукой девушка.

– Так ведь август.

– А... – Карина вновь смутилась. – Я... я на дополнительные курсы записалась. Еще. «Дополнительные курсы?» Виктору стало ясно, что девушка лжет.

– Какие курсы?

– Ну...

Он слишком хорошо знал Карину и понял, что она мысленно ругает себя за некстати оброненное слово. Но правды не скажет.

– Такие... дополнительные... родители заявили, что институт у меня не простой, обычного уровня знаний недостаточно, поэтому...

Карина отвернулась.

– Не хочешь говорить – не надо. Зачем из меня дурака делать?

– Кроха, милый, ну какой же ты дурак? Я ведь...

– Девушка танцует? – Один из кавказцев все-таки подошел к их столику и буквально навис над Кариной, пожирая взглядом стройную фигурку девушки. – Очень хорошая музыка тут. Будем танцевать?

«Очень хорошая музыка тут» хрипела из подержанных колонок – обычная радиостанция, на которой попсовые мелодии периодически разбавляются рекламой и новостями. Звучала она фоном, как и в любой уличной кафешке, и устраивать под нее дискотеку было бы верхом нелепости.

– Будем танцевать красиво, – пообещал незванный кавалер. – Прижматься будем, если захочешь.

Его приятели заржали.

Побледневший Крохин быстро и, как ему хотелось верить, незаметно огляделся. Мамаша с двумя детьми, пара старичков за шахматной доской – вот и вся публика. Щуплый бармен за стойкой прекрасно понимает, что происходит, но смотрит безразлично. Вызовет ли он полицию? Конечно, вызовет. Если начнется драка. Но драться Виктору ой как не хотелось.

– Я вчера ногу подвернула и танцевать не могу, – решительно заявила Карина и поднялась. – И вообще меня мама ждет.

«Чертов амулет!»

Девушка прекрасно поняла, что спровоцировали южан не только ее молодые прелести, но и «Дразнилка».

«С Крохой оговорилась! Артефакт дурацкий нацепила!»

Главное правило, которое преподаватели вдалбливали студентам школы Солнечного Озера с первого же занятия, гласило: соблюдать режим секретности. А она...

– Мы уходим!

– А прижматься?

Договорить кавказец не успел, замолчал удивленно – слишком уж бесцеремонно прошлагала мимо него Карина. Бледный Виктор шмыгнул следом.

– Ты точно прижматься нэ хочешь?

– А ко мнэ? – поинтересовался другой джигит.

– Или ко мнэ?

Четверо возбужденных мужчин выбрали Карину объектом своего интереса. Пока, к счастью, они ограничивались только словами.

«Надеюсь, они не слишком пьяны», – тоскливо подумал Крохин.

«Надо поскорее добраться до метро! Или выйти на оживленную улицу!»

Карина разобралась в ситуации не хуже Виктора. Понимала, что они влипли, что посетители кафешки им не помощники, и чувствовала подступающий страх.

«Что делать?»

Ребята шли очень быстро, однако кафешка находилась отнюдь не на окраине парка, и прежде, чем оказаться на спасительной улице, им предстояло пройти по вьющейся меж густых деревьев дорожке.

«Надеюсь, действие артефакта ослабеет и у этих придурков хватит мозгов не идти за мной!»

– Давай полицию вызовем? – предложил семенящий за девушкой Виктор.

– И что скажем? – зло поинтересовалась Карина.

– Ну... – Крохин сбился. – Не знаю.

– А я знаю, что они нам скажут!

– Что?

– Ничего нэ скажут!

То ли ребята были слишком напуганы, то ли слишком поглощены переживаниями, то ли слишком вглядывались вперед, в надежде разглядеть шумную толпу молодежи или полицейский патруль, но факт остается фактом – приближения четверых джигитов они не услышали.

– Витя!

– Что вам нужно? – срывающимся голосом спросил Крохин.

Но внимания на него не обратили.

– Зачем танцэвать нэ стала, а? – «Кавалер» схватил девушку за плечо. – Ушла зачэм?

– Отпусти!

Они не собирались продолжать «разговор», стоя на дорожке: сейчас аллея пустынна, но в любой момент могут появиться люди. Двое схватили Карину, девушка закричала, но ей зажали рот, двое – Виктора, и потащили в заросли.

– Гордая, да?

– Ничэго, сэйчас повэртит задницей...

– Не трогайте нас!

– А ты, щенок, лучше заткнись!

– Тогда мы тэбя просто побьем! – Это пошутил самый толстый джигит, от которого терпко пахло потом. – А будэшь вопить, мы и тэбя трахнэм.

У Крохина подкосились ноги.

Тем временем двое, которые тащили Карину, решили, что забрались достаточно далеко от дорожки, и остановились. Один из них держал девушку, одной рукой стиснув тоненькое тело, а второй зажимая Карине рот. Получалось не очень, и до Виктора периодически долетали обрывки криков. К несчастью, слишком слабые, чтобы привлечь внимание гуляющих по дорожке людей... Если по ней кто-нибудь гуляет... Второй насильник стаскивал с извивающейся девушки брючки, но не справлялся и зло потребовал помощи у «танцора». Тот не отказал.

Надежды не было. И трясущийся Крохин мог только умолять:

– Пожалуйста, не надо. Пожалуйста, не трогайте нас...

Он попытался прикоснуться к стоящему рядом толстяку, чем окончательно вывел жирного джигита из себя.

Брюки Карины спущены до колен, еще несколько мгновений – и девчонку разложат на траве. У толстяка оттопыриваются штаны, ему не терпится присоединиться к приятелям, а тут этот сопляк! Взбесившись, жирный со всей силы ударил Виктора по лицу.

Под кулаком что-то хрустнуло, рот наполнился кровью, в голове зашумело. Крохин мешком рухнул на землю, но нашел в себе силы отчаянно взвизгнуть:

– Карина!

– Витя!

Ее тоже бросили на землю. Не ударом, конечно, просто повалили. Блузка расстегнута, лифчик задран вверх, обнажив розовые соски небольших грудей, бедра разведены в стороны, двое смеются, что-то обсуждая на своем языке, «танцор» торопливо расстегивает ширинку, ему выпало быть первым.

– Витя!!!

А Крохин...

Внутри ничего нет, лишь горсть снега. Холодно до тошноты. Руки и ноги не слушаются, отказали, пошевелить пальцем, да что там пальцем – вздрогнуть и то невозможно. Удастся только дрожать. Мелко-мелко, как вечно трясущаяся карманная собачка. И слезы на глазах. Не злые, а приторные, умоляющие:

«Не трогайте, пожалуйста, меня не надо трогать, пожалуйста, прошу вас, пожалуйста...»

И никаких мыслей в голове. Только эти.

Только эти.

Толстяк ударил Виктора ногой, хотел отвернуться, посмотреть, как там девочка, а потом увидел покорное, расплывшееся от ужаса лицо Крохина, помертвевшие, влажные глаза, приоткрытый рот, из уголка которого стекала слюна, и понял, что может сделать с этим заморышем все, что захочет. Абсолютно все. На земле лежал не мужчина, даже не юноша, а забитый, повизгивающий от ужаса раб, готовый на все, чтобы избежать боли.

Умоляющий о пощаде.

На мгновение толстяка охватило омерзение: «Мужчина не должен быть настолько слабым!», а затем оно резко сменилось чувством превосходства.

На земле распласталась жертва, и инстинкт хищника, инстинкт победителя требовал: «Добей! Насладись победой в полной мере. Растопчи это животное!»

Жирный бросил быстрый взгляд на приятелей: девчонка извивалась змеей, «танцору» никак не удавалось войти в нее, и толстяк расстегнул ремень.

– Снимай штаны, сука! Ну!

Страх накрыл Крохина с головой.

Оранжевую ленту «Проход закрыт! Проводится полицейское расследование!» нацепили прямо на деревья. Собственно, можно было не напрягаться – любопытных в глухом уголке парка оказалось катастрофически мало, и они, обескураженные обилием полицейских, к месту преступления не приближались, но порядок есть порядок. По измятой траве осторожно ползали эксперты, брали образцы, фотографировали следы. Носилки и пустые пластиковые мешки лежали поодаль, за ограждением. Приказ увозить тела не поступил, и ребята из муниципальной «труповозки» перекуривали.

– Ждал тебя, – объяснил капитан Рыжков, за руку здороваясь с подошедшим к ограждению Корниловым. – Хотел, чтобы ты увидел картину.

– Спасибо, конечно, – улыбнулся майор. – Но...

Возглавляемый им отдел специальных расследований занимался исключительно крупной рыбой – организованными преступными группировками, иногда – резонансными делами, каким в свое время стало расследование преступлений маньяка Вивисектора, и редко снисходил до поиска обычных убийц. В Битцевский парк Корнилов приехал только потому, что учился с Рыжковым в Академии и не смог отказать старому приятелю.

– Андрей, в деле есть два нюанса, которые наверняка тебя заинтересуют. Первый: убито четверо южан, у одного из них нашли пистолет, у другого – поддельные документы. Вероятность того, что они члены какой-нибудь ОПГ, – процентов восемьдесят.

– Девяносто девять, – усмехнулся Корнилов. – А второй нюанс?

– Способ убийства.

– Преступник выпил их кровь?

– Вроде того. – Рыжков усмехнулся и жестом пригласил майора за ограждение. – Сам увидишь.

Корнилов медленно сделал пару шагов и вновь остановился, разглядывая окровавленную траву.

– Как давно произошло убийство?

– Примерно два с половиной часа назад. Патрульные полицейские зашли в кафешку неподалеку отсюда, и бармен сказал им, что несколько южан направились по аллее следом за парнем с девчонкой. А ребята как раз пришли по этой дорожке и сообразили, что никого не видели. Вернулись, стали искать и набрали на это...

– Парень с девушкой?

– Бармен дал описание, но оно довольно расплывчатое. Обычная парочка.

– Понятно.

Корнилов аккуратно обошел окровавленный участок и приблизился к первому телу.

– Так что там за второй нюанс?

– Как думаешь, сколько весит этот бугай? – вопросом на вопрос ответил Рыжков.

Майор оглядел лежащего в кустах толстяка.

– Фунтов двести – двести пятьдесят.

– Согласен, – кивнул капитан. – Так вот, эксперты утверждают, что его схватили за ноги – на лодыжках есть следы рук – и ударили головой о дерево. – Рыжков ткнул пальцем в березу, на стволе которой виднелось красное пятно. Она росла примерно в тридцати футах от кустов. – А уже потом швырнули сюда.

Голова толстяка была разбита так, словно по ней били кувалдой. А может, не «по ней», а «ею».

«Схватили за ноги и ударили о дерево?»

– Красиво, – тихо произнес майор, доставая пачку сигарет. – Очень красиво.

– Второму оторвали руки, он умер от болевого шока, – продолжил капитан. – У третьего сломан позвоночник. А четвертый просто разбился.

– Просто?

– Эксперты говорят, что, судя по повреждениям, он упал с высоты тридцати – сорока ярдов.

Полицейские одновременно задрали головы и посмотрели вверх.

– Может, их с вертолета сбросили? – мрачно пошутил Корнилов.

– Может быть, – не стал спорить Рыжков. – Но вертолет никто не видел.

– А что-нибудь другое видели?

– Людей в парке было мало, так что свидетелей, кроме посетителей кафешки, нет.

А толку от них чуть.

Корнилов помолчал, затем стряхнул пепел с сигареты и покачал головой:

– Дело я у тебя не заберу, Коля, не надейся. Но обещаю прозвонить ситуацию по своим каналам и, если чего узнаю, расскажу. Безвозмездно.

Капитан, который в глубине души мечтал сплавить странное убийство в городское управление, развел руками:

– Как скажешь.

– И еще, – добавил майор, глядя куда-то в сторону, – не мне тебе рассказывать, что самые необычные на первый взгляд преступления в большинстве своем имеют очень простые объяснения. Вполне возможно, что этих ребят мочила целая группа людей, которым они чем-то насолили. Мсть – страшная штука.

– Это совет?

– Это так, мысли вслух.

Он перенес потерявшую сознание Карину в другой конец парка, потратив на пробежку меньше пяти минут. Однако удивления этот подвиг у него не вызвал. Он даже не понял, что совершил, – на фоне предыдущих событий марш-бросок через Битцевский парк совершенно потерялся, стал мелкой, незначительной деталью.

Он положил девушку на землю, аккуратно натянул на законное место трусики и брюки, поправил лифчик и застегнул блузку. И только после этого обратил внимание на окровавленные руки.

И понял.

«Это не сон!!!»

Он едва успел отскочить от Карины, как его вырвало, скрутило, стошнило вновь.

«Это не сон!!!»

«Но как я мог?! Я!!!»

Он снова скорчился на земле.

«Откуда взялась сила? Откуда взялась такая решимость? Откуда?!»

Карина застонала, вскрикнула, не приходя в себя, и ее пальцы свело судорогой.

«Сейчас, сейчас... я помогу...»

Он заставил себя подняться, кое-как вытер лицо пучком травы, на четвереньках подполз к девушке и вдруг... Он не знал, почему именно эта деталь бросилась в глаза, почему зацепила, почему заставила смотреть, не отрываясь. Он не знал, но почувствовал, что именно в ней скрывается разгадка произошедшего.

Стеклянный глазок в центре кулона, еще несколько минут назад весело переливавшийся всеми цветами радуги, теперь погас и потемнел. Цветок увял.

Глава 1

«Московское полицейское управление официально опровергло появившуюся в некоторых СМИ информацию о массовой драке, что произошла прошлой ночью на Триумфальной площади. Начальник управления по связям с общественностью МПУ сообщил, что имел место конфликт между двумя группами подвыпивших граждан, который был локализован силами находившихся на площади патрульных. В то же самое время некоторые сетевые издания заявили, что случившиеся в центре Москвы беспорядки потребовали прибытия двенадцати патрульных групп и даже взвода полицейского спецназа. Рукопашная схватка продолжалась не менее двадцати минут и лишь благодаря тому, что происходила она глубокой ночью, среди пострадавших не оказалось законопослушных граждан. В ходе побоища было разбито и сожжено несколько автомобилей, что, кстати, в полицейском управлении не отрицают. Возникает закономерный вопрос...»
(«Московский комсомолец»)

«Режим секретности, говорите? В то время, как добропорядочные граждане Тайного Города прилагают массу усилий (частенько, в ущерб своему комфорту), чтобы не дать челям повода для подозрений, наши дорогие люди продемонстрировали пример вопиющей безответственности и безалаберности. Мелкая ссора, возникшая во время празднования дня рождения барона Ратомира, привела к крупному столкновению на Триумфальной площади, в ходе которого пьяные марьинские дружинники, при поддержке „соколов“ Мечеслава, избили объединенный отряд измайловцев и перовцев, сожгли несколько машин и до колик перепугали чловеских полицейских. Но самое интересное произошло на знаменитом курорте Коста-Флибустьер, куда помирившиеся гуляки отправились продолжать веселье...»
(«Тиградком»)

* * *

**Муниципальный жилой дом
Москва, улица Крылатские Холмы,
24 сентября, воскресенье, 22:18**

Московские дожди непредсказуемы, они не знают ни расписания, ни примет. Бывает, что тучи собираются над притаившимся в излучине Москвы-реки Нагатином, нависают над самой головой, цепляют крыши длинных многоэтажек, поглаживая торчащие антенны, угрожающе облепляют высокий берег Коломенского, а ливень... а ливень неожиданно льет в Братееве, над которым не то что туч – облачка-то заметно не было. Московские дожди не слушают предсказаний синоптиков или посмеиваются над ними, а потому москвичи давным-давно разделились на тех, кто никогда не забывает дома зонтик, раскрывая его, едва на землю упадет первая капля, и тех, кто берет его с собой только в том случае, если за окнами льет как из ведра.

Сергей Мурзин принадлежал ко второй партии. Противостоять непредсказуемой московской погоде он собирался только с помощью куртки, а потому, выйдя из метро и увидев мок-

рые улицы, привычным движением накинул на голову капюшон, после чего уверенно зашагал вверх по улице.

Посмотреть со стороны – заурядный мужчина за тридцать: чуть выше среднего роста, чуть шире обычного в плечах – спортивный образ жизни снова в моде, подтянутый, энергичный. Неприметная темно-синяя куртка до колен, джинсы, крепкие туристические ботинки на ногах. Выражение лица, правда, несколько угрюмое, но ведь на то возможны тысячи причин: болит голова, неурядицы дома, на работе, банальная усталость. А само лицо опять же заурядное, по женской классификации: «не красавец, не урод». Твердые, не расплывшиеся еще черты, прямой нос, упрямый подбородок. Сколько их таких?

Человек, идущий по затонированной ночью улице, не привлекал внимания, не притягивал взгляды прохожих или полицейских. Мурзин выглядел обыденно, как все, однако в душе его царил буря. И лишь сильная воля помогала Сергею держать себя в руках.

«Меня никто не ищет».

«Как же!»

«Господи, никто ничего не знает! У меня есть несколько дней».

«Их уже нашли».

«Даже если так. Что с этого? Меня никто не видел, а документы я забрал».

«Они поймут, что в лагере было четверо».

«Но ничего не докажут».

«Всем известно, что мы друзья...»

«Перестань трепать себе нервы! Баба!»

Мурзин рассчитывал успокоиться, надеялся, что несколько часов полужабытия в поезде – уснуть нормально Сергею, увы, не удалось – помогут прийти в себя. Сначала так и получилось: разлепив глаза и умывшись, Мурзин почувствовал облегчение и даже смог впахнуть в себя пару бутербродов, запив их чаем. На автомате сошел с поезда, добрался до метро, однако, очутившись в подземке, вновь задергался. Купил какую-то газету – почитать, отвлечься, но слова отказывались складываться в предложения, смысл статей ускользал. Так и продержал ее в руках всю дорогу, а выйдя, швырнул в урну с такой злостью, словно бумага в чем-то провинилась.

«Как я мог вляпаться в такое дерьмо?»

Потому что хотел добраться до приза. До невероятного, сумасшедшего приза.

«Каторга. Пожизненная каторга».

«Рассуждаю, как будто жениться собрался».

«Дурацкая шутка».

У знакомого дома не удержался, огляделся по сторонам, как заправский шпион: не следят ли, не дышат ли в затылок? Подумал и закурил, стоя под морозящим дождем в тени кустов и наблюдая, не идет ли кто следом? Не идет. Лишь две машины проехали вдоль подъездов, высадили пассажиров и умчались. Гуляющих не наблюдалось – кому охота мокнуть под дождем?

«Не будь дураком! Если тебя пасут, то наверняка профессионалы, и ты их никогда не вычислишь!»

Сергей швырнул сигарету в урну, вошел в подъезд, по лестнице поднялся на второй этаж и надавил кнопку звонка.

И в тот же миг беспокойство, вроде бы приглушенное обреченным: «Мне их не засечь», резко усилилось.

«Меня засекли!»

Мурзин судорожно сглотнул:

«Черт побери, почему я так подумал?!»

Главным достоинством ночного клуба «Ящеррица» не без оснований считались феерические шоу-программы, поставленные бессменным управляющим Птицием и сделавшие клуб самым популярным увеселительным заведением Тайного Города. Удивляющие постановки вкупе с высококлассными диджеями, умеющими завести любую публику, обеспечивали «Ящеррице» приток посетителей и в будни, и по выходным. Однако находились среди любителей поразвлечься и те, кто искал «среди шумного бала» возможность уединиться, скоротать вечерок в приятной компании, поговорить, не отвлекаясь на поющих, орущих и танцующих артистов. Отпускать таких клиентов к конкурентам Птиций не желал, а потому в клубе было достаточно небольших кабинетов, в которых желающие могли провести время в тесном кругу. Одну из таких комнат и заняли три хвана – уроженцы Алтая не любили выставлять напоказ свою личную жизнь. Тем более что компанию им составляли длинноногие и податливые танцовщицы Птиция.

Какими-либо изысками вечер не отличался. Сначала четырехрукие плотно, по-деревенски покушали, изредка перебрасываясь короткими фразами и внимательно приглядываясь к спутницам, а затем, когда на столах остались лишь вино и фрукты, повесили пиджаки и галстуки на спинки стульев и принялись шутить, разумеется, все более и более сально... Одним словом, веселье вступало в самую интересную стадию, и поэтому телефонный звонок не вызвал у присутствующих особой радости.

– Не подходи, – попросила прижимающаяся к плечу Кина блондинка. – Забудь о делах.

– Не могу. –левой нижней рукой хван взял со стола телефон и приложил его к уху: – Да?

– С вами говорит Мститель, – произнес неестественно низкий голос.

Это был пароль. Пафосный, надо сказать, пароль, слегка раздражающий не склонного к театральности Кина. Но что делать: кто платит, тот и заказывает музыку. Нравится клиенту называть себя Мстителем, пусть называет. Главное, чтобы деньги перечислял вовремя.

– Я слушаю, – отозвался Кин.

– Время.

Заказчик заботился о безопасности и предпринимал все возможные меры предосторожности. Он всегда менял голос с помощью нехитрого заклинания, так и не согласился на личную встречу с хваном и каждый раз звонил с нового мобильного, причем телефоны были оформлены на челов, не имеющих отношения к Тайному Городу, – в начале сотрудничества Кин ради интереса проверил пару номеров. Впрочем, хвана подобные меры не настораживали: хочет прятаться – пусть прячется, дело предстояло пустяковое.

– Адрес не изменился?

– Нет. Как и предполагалось, на месте будут двое.

– Приеду через двадцать пять минут. – Хван сунул телефон в карман и посмотрел на друзей: – Ребята, прошу извинить, нужно отлучиться.

Четырехрукие понимающе закивали головами: бизнес есть бизнес.

– Ты вернешься? – капризно поинтересовалась блондинка.

– Через полтора часа.

– Давно приехал?

– Только что.

– Почему не позвонил?

– Не рискнул.

Профессор Лужный встретил гостя в халате – Мурза вытащил его из постели, – но не возмущался, знал, что, если приехал так поздно, значит, надо. Значит, по-другому не мог. Рудольф Васильевич спокойно поздоровался и сразу же направился на кухню, готовить чай и бутерброды. Однако сейчас, услышав ответ Сергея, а главное, увидев, что Мурзин беспокойно поглядывает в окно, старик понял, что произошло нечто неординарное.

– Где ребята?

– Я один вернулся, – откашлявшись, ответил Мурза. И тоскливо посмотрел на профессора.

Развивать мысль не требовалось, Лужный понял, что имеет в виду гость. Сжал кулак так, что вздулись вены под старческой кожей, помолчал и глухо спросил:

– Уверен?

– На все сто.

– А клад? Добрались?

– Почти.

У профессора заходили желваки.

– Сережа, что случилось?

– Все пошло наперекосяк, Рудольф Васильевич.

– Да случилось что? На вас напали?

Мурза отрешенно посмотрел на Лужного, потер лоб и буркнул:

– Клад мы вытащили. Но... Но стоило нам это очень дорого.

– Перестань говорить загадками! У вас была карта!

– Карта – дрянь, ерунда. Чтобы клад взять, ее оказалось мало.

– Что значит дрянь?! На ней место было указано с точностью до нескольких футов!

– Там не в футах мерить надо было, а в галлонах крови. – Сергей передернул плечами. –

Вы меня простите, Рудольф Васильевич, я соображаю сейчас не очень. Я... я сутки на нервах. Я бы не пришел к вам, но не знаю, к кому еще идти. Мы такое натворили, мы...

Он замолчал и уставился в окно.

– Господин Мурзин! – В голосе Лужного звякнул офицерский металл. – Потрудитесь справиться с истерикой и доложить по форме.

Сергей улыбнулся и взялся за чашку. Сделал большой глоток, качнул головой:

– Извините, Рудольф Васильевич, я постараюсь.

– Другое дело, Сережа, – прежним тоном произнес старик. – А теперь рассказывай.

– Но начать разговор придется вам, Рудольф Васильевич, – твердо ответил Мурзин. – Я хочу знать, откуда у вас появилась карта.

– Я ведь говорил...

– Повторите еще раз, – жестко оборвал старика Сергей. – И постарайтесь не забыть ни одной детали.

Лужный понял, что Мурза не отступит и мрачно спросил:

– Это важно?

– Важно. Потому что с этой паскудной карты все и началось.

До Крылатских Холмов Кин добрался за двадцать минут – воскресным вечером московские улицы пусты, как головы Красных Шапок, и мчатся по ним одно удовольствие – педаль в пол и вальсируй из ряда в ряд, с ревом обгоняя редкие автомобили. Единственный сдерживающий фактор – светофоры, гнать на красный хван остерегался. Что же касается полицейских, то они попадали под действие «Мартышки за рулем»¹ – мощного артефакта, отвлекающего внимание от лихача. Кин не любил тратить время на переговоры с полицией.

План действий четырехрукий продумал заранее, подготовил необходимое снаряжение и возил его с собой, а потому, остановив машину неподалеку от нужного дома, хван вышел из

¹ «Мартышка за рулем» – каталог «Артефакты дорожные», подраздел «Артефакты для механических средств передвижения», лицензия на производство принадлежит Торговой Гильдии. Артефакт приобретается только по предъявлении водительских прав, продажа несовершеннолетним запрещена. Сложная структура гипнотического воздействия и анализа обстановки позволяет «Мартышке» заранее улавливать мысли сотрудников дорожной полиции и воздействовать на них. Рекомендуется использовать только в случае крайней необходимости.

нее практически сразу, потратив всего пару секунд на то, чтобы переложить лежавшую в перчаточном боксе плоскую коробочку в нагрудный карман пиджака. Заказчик потребовал убрать клиентов «чисто», чтобы смерть наступила «по естественным причинам», но при этом ни в коем случае не пользоваться магией. Заказчик повторял это требование, как мантру, тем самым продемонстрировав Кину свою неопытность – все знали, что хваны одинаково умело убивали и с помощью колдовства, и без оно. Содержимое спрятанного в коробочке шприца прекрасно имитировало смерть от сердечного приступа, его Кин припас для старика, хозяина квартиры. Что же касается гостя, то он просто исчезнет, растворится без следа, ибо два инфаркта одновременно наверняка вызовут подозрения полиции. Заказчик, как и предполагал четырехрукий, с планом согласился.

Кин не спеша подошел к подъезду, набрал код и распахнул дверь.

– Дерьмовая ситуация, Сережа, – резюмировал профессор, когда Мурза закончил.

Оглушенный рассказом Лужный говорил тихо и медленно, впрочем, другой реакции Сергей и не ждал.

– Вы выбрали очень правильное определение, Рудольф Васильевич, – угрюмо согласился Мурза.

– И ты прав: совершенно непонятно, что теперь делать?

– Вечный вопрос русской интеллигенции, – криво усмехнулся Сергей. – Ответ на него ищут уже лет двести.

– Ищут те, кто не хочет его слышать. – Старик прищурился, медленным движением почесал бровь и продолжил: – Из любой ситуации есть выход. – Голос прозвучал спокойно и громко, значительно громче, чем в предыдущий раз. Мурза понял, что к Лужному возвращается уверенность, и тоже приободрился. – План, который ты предложил, хорош.

– Но не идеален.

– В нашей ситуации, Сережа, приходится выбирать из двух зол. Или мы бежим, или мы атакуем. – Профессор подумал и поправился: – Пытаемся атаковать.

– Мы?

– Я тоже под ударом. – Лужный улыбнулся. – Ты ведь не случайно начал разговор с карты?

– Я надеялся выйти на след, – объяснил Мурза.

– Которого нет, – закончил старик. – Мы не сможем вычислить того, кто подарил мне карту. Мы не сможем. Но я допускаю, что есть люди, способные потянуть за эту ниточку и докопаться до правды. А значит...

– Вы под ударом, – кивнул Сергей.

– Я знаю слишком мало, но... я все равно что-то знаю, – спокойно ответил профессор. – И поэтому тоже являюсь мишенью. Ты – свидетель, я – стартовая точка, мы оба обречены.

– Надо уходить.

Мурза ощутил нарастающее беспокойство, но при этом, как ни странно, внутреннее напряжение возникло не от слов Лужного, а по какой-то иной причине.

– Меня смущает, что они не устроили засаду, – задумчиво произнес старик. – Почему нам дали поговорить?

– Накладки случаются у всех.

– А может, это знак, что они готовы к переговорам?

– Не думаю.

Внутри Сергея поселился бесплотный червячок, постоянно нашептывающий: «Опасно! Здесь становится опасно. Беги, черт бы тебя побрал!»

Мурзин знал, что такое страх, паника, ему доводилось переживать и то, и другое. Но сейчас он испытывал нечто особенное. Он слышал чужой голос:

«Беги!»

«Я схожу с ума?»

Сергей достал из кармана трофейный, выполненный в форме уха брелок, и задумчиво – в какой уже раз! – посмотрел на него. Аккуратная поделка из тусклого металлического сплава. Сделавший ее ремесленник воспроизвел человеческое ухо точно, во всех подробностях, гармония нарушалась лишь в глубине раковины: плавные анатомические линии сходились в неуместное, геометрически правильное шестиугольное отверстие.

«Не в брелоке ли дело? И тогда, у реки... Возможно ли?»

«БЕГИ!»

– Рудольф Васильевич, – хрипло произнес Мурза, – у меня такое чувство, будто кто-то предупреждает меня об опасности. Как тогда, на Волге.

Лужный прищурился, припоминая детали только что слышанного рассказа.

– Когда ты...

– Я бы остался! – перебил профессора Сергей. – Но услышал голос, понимаете? Переходящий в крик шепот, который сказал, что нужно бежать. И сейчас он появился вновь.

– А в поезде? Или по дороге сюда?

– Нет, раньше ничего не было. Только сейчас.

– Думаешь, дело в нем? – Лужный кивнул на брелок.

– Я не знаю, что и думать, Рудольф Васильевич, – честно ответил Мурза. – Но здесь я не останусь.

На его лбу выступила испарина.

«БЕГИ!!»

– Тогда уходи, Сережа, – серьезно проговорил старик. – Сейчас твои эмоции обострены до предела, прислушивайся к ним.

– А вы?

– Я не чувствую опасности.

– Но...

Но Лужный не дал ему договорить:

– Когда ты хочешь уйти?

Он видел, что Мурза едва сдерживается, что еще чуть-чуть, и гость впадет в панику.

– Прямо сейчас.

– А мне нужно время на сборы. – Профессор поднялся из-за стола. – Пойдем, я провожу.

Глаза Сергея лихорадочно блеснули.

– Если вы не против, я уйду через окно.

– Хорошо.

Старик не удивился. Через окно, значит, через окно. Мурза ловок, легко спрыгнет со второго этажа. И выбор его понятен: окна выходили на противоположную подъезду сторону дома.

Лужный открыл фрамугу и поинтересовался:

– Ты поменял телефон?

– Купил новый по дороге.

– Старую сим-карту сохранил?

– Да.

– Завтра ровно в семь утра вставь ее в новый телефон. Если со мной все будет в порядке, я позвоню.

– Договорились. – Мурза сжал старику руку: – До свидания, Рудольф Васильевич.

– Удачи, Сережа.

Тревожный звонок прозвучал у дверей квартиры. Кин, несмотря на запрет, совсем от магии не отказался, здраво рассудив, что вычислить едва заметное сканирующее заклинание

не смогут даже лучшие колдуны Тайного Города. Остановившись у дверей, хван быстро просмотрел квартиру Лужного и недовольно поджал губы: внутри находился только хозяин, причем – нервничающий хозяин. Кин уловил легкий страх, недоумение и едва различимую агрессию. Последствия только что состоявшегося разговора? Скорее всего. Судя по всему, гость в квартире не задержался, приехал, поговорил о чем-то с Лужным и убрался восвояси, нарушив тем самым тщательно разработанный план.

«Что делать? Прерывать операцию?»

Предпринятые заказчиком меры предосторожности сыграли против него. Кин не знал, как выйти на связь. Точнее, знал – канал существовал, но был громоздким и неудобным: требовалось отправить письмо по электронной почте и ждать не меньше получаса.

Соответственно, сейчас хвану предстояло принять решение самостоятельно.

«Лужный наверняка знает, куда отправился его приятель. Или догадывается. Или может предположить. Выполнение операции увеличивается на одно действие: допрос. Затем Лужный умирает от сердечного приступа, а я иду за второй мишенью. В конце концов, абсолютно неважно, откуда второй чел отправится в последнее путешествие».

Ну, а в самом крайнем случае можно будет обвинить заказчика в непрофессионализме. Осторожность осторожностью, но оперативное управление операцией следовало предусмотреть.

Кин снял с дверного косяка малюсенькую черную горошину – сигнальный артефакт, установленный заказчиком, затем извлек из кармана набор обыкновенных отмычек и занялся первым замком.

Несмотря на проявленную твердость и продемонстрированную уверенность, Лужный был потрясен рассказанной Мурзиным историей. Он должен... нет, он был обязан поддержать Сергея, вернуть ему самообладание – и поддержал, однако в глубине души испытывал те же самые чувства, что владели Мурзой: растерянность и страх, медленно скатывающийся к панике.

Проводив Сергея, старик тщательно закрыл окно, проверил входную дверь: оба замка заперты, щеколда задвинута, прошел в гостиную, открыл спрятанный в одном из шкафчиков «стенки» сейф и вытащил из него пистолет.

Лужный прекрасно понимал, что лучшие его годы позади и в случае нападения профессионалов он, даже вооруженный, будет представлять собой весьма условную боевую единицу, но не собирался проигрывать заранее. К тому же привычная тяжесть «макарова» и знакомый щелчок, с которым обойма встала на место, придали старику дополнительную уверенность. Профессор налил себе полбокала коньяка и уселся на диван, положив пистолет под правую руку.

«Что у нас в активе?»

«Большие неприятности».

«Это понятно. Но я имел в виду информацию, которая поможет нам с Сережей выпутаться...»

Следовало сосредоточиться на проклятой карте. Не на том, как попала она к нему – конверт прислали по почте, обратный адрес наверняка липовый, а на том, почему прислали именно ему? Человек, который спланировал эту чудовищную операцию, знал – именно знал! – о дружбе Лужного с Мурзиным, знал, чем занимается Сергей, и, соответственно, не сомневался, что карта в конечном итоге попадет к Мурзину, и четыре парня отправятся проверять ее подлинность на практике.

«Отправятся в его лапы...»

– Леший. Глыба. Сахар. – Лужный отсалютовал темному окну и сделал большой глоток коньяка. – За вас, парни. Простите меня.

Потеплело. Не на душе – в теле.

«Кто же нас подставил?»

Фамилия, которую назвал Мурзин, старику ни о чем не сказала. Он не знал этого человека. Значит, на Волге ребят поджидал исполнитель, оперативный работник. А над ним есть кто-то еще.

«Есть человек, который хорошо осведомлен обо мне».

Нужно его вычислить. Или хотя бы составить список подозреваемых.

Нужно.

Однако сосредоточиться не получалось. Едва Лужный начинал перебирать знакомых, как мысли соскакивали на те невероятные события, о которых поведал Мурза. На вещи, не укладывающиеся в сознании.

На доказательство невозможного.

И профессор вдруг подумал, что происходящее могло бы стать Главным Приключением его жизни.

Если бы не было так страшно.

Без магии все же не обошлось. Впрочем, куда без нее денешься? Морок навести надо? Не на клиента, конечно – зачем оставлять лишние следы в квартире? – а на соседей, чтобы случайно не заметили копошащегося у двери хвана. Надо. Замазать работу сигнального артефакта, сравнять точку его установки со средним фоном надо? Надо. А как, скажите на милость, отодвинуть задвижку на железной двери? Уж точно не отмычкой.

Проще всего было бы задействовать «Техническую дырку», создать в двери локальный портал, просунуть в него руку и открыть задвижку. Однако «Дырка» даст такое возмущение магического фона, что замаскировать его смогут разве что высшие маги Тайного Города. Заставить чела самого открыть дверь нельзя по той же причине – «Заговор Слуа» оставит глубокие следы. Пришлось мучиться.

Впрочем, Кин не зря считался высококлассным профессионалом, он умел обходить препятствия. Задвижку хван сдвинул в сторону с помощью «Манипулятора металла»,² устройства дорогого, зато потребляющего мало магической энергии. После чего убрал артефакт в карман и приоткрыл дверь.

Цель по-прежнему находилась в гостиной.

Если бы не предупреждение Мурзина, Лужный вряд ли почувствовал бы опасность, вряд ли уловил бы, что в квартиру кто-то вошел. Однако сейчас, несмотря на порцию спиртного и охватившие его размышления, старик оставался внимательным, прислушивался к каждому шороху.

Впрочем, шороха как раз и не было. Кин действовал профессионально, открыл входную дверь без звука, без скрипа, лишь легкий, едва уловимый ветерок проник в квартиру с лестничной клетки. В обычных обстоятельствах он остался бы незамеченным, но не сейчас.

Рудольф Васильевич улыбнулся:

«А они не торопились...»

Поставил бокал на диванную подушку, взял в руки пистолет, направил ствол на дверь и неожиданно понял, что абсолютно спокоен. Время пришло, какой смысл бояться неизбежного?

² Бытует мнение, что «Манипулятор металла» из каталога «Технические средства проникновения в запечатые помещения» стоит дороже, чем «Манипулятор металла», указанный в каталоге «Артефакты ремесленные». Так вот, это не так.

* * *

*Акватория Карибского моря
остров Коста-Флибустьер, 25 сентября,
понедельник, 00:01 (время местное)*

Самыми веселыми ночами на самом популярном курорте Тайного Города, естественно, считались субботние, когда к отдыхающим добавлялись «гости с материка», вырвавшиеся на Коста-Флибустьер³ провести законные выходные. Этот поток особенно усилился после того, как прониравый Биджар Хамзи умудрился договориться с АО «Транс Портал» о дополнительных воскресных скидках. Субботнее веселье начиналось в семь вечера очередной постановкой концов, в полночь традиционно грохотал фейерверк, который давал старт шумному ночному веселью. В воскресенье гости приходили в себя, чинно прогуливались по пляжу, с удивлением таращась на пальмы и потягивая что-нибудь бодрящее (или взбадривающее), а после обеда начинали собираться. Как правило, прощание с благословенным островом затягивалось, поэтому радушные хозяева могли расслабиться лишь ближе к вечеру, а еще точнее – ночью.

– Люды мощно зажгли, – лениво пробормотал полулежащий в шезлонге Артем.

– Не ожидала от барона, – заметила Яна.

– От Ратомира? – рассмеялся Биджар Хамзи. – Так он известный гуляка.

– От Мечеслава. – Девушка тонко улыбнулась. – Полагаю, его ожидают весомые неприятности.

Стройная, спортивная, Яна никогда не жаловалась на недостаток мужского внимания, однако с тех пор, как ее глаза залило тяжелое золото Кадаф, а на лишившейся волос голове появилась личная подпись Азаг-Тота, число желающих пофлиртовать с красавицей резко поубавилось. Яна по праву считалась одной из сильнейших ведьм Тайного Города, однако по-прежнему оставалась членом команды наемников Кортеса.

– Всеслава женщина умная и понимает, что мужчина должен иногда расслабиться.

– Если бы не возникли репортеры «Тиградом».

Сидящий рядом с Биджаром Птиций поежился.

– Ты их позвал?

– Ага, – признался конец.

– Но зачем? – Рыжая Инга удивленно посмотрела на толстячка.

– Хотел похвастаться новым шоу, – подал голос Кортес.

– И подставил Мечеслава. – Инга оценивающе посмотрела на Птиция. – Может, сделать тебе какую-нибудь гадость?

– Чего тебе до Мечеслава, солнышко? – ласково улыбнулся конец. – От чужих проблем голова распухнет. Давай лучше прогуляемся как-нибудь по пляжу. Я знаю, где растет песчаная морковь.

– Наши гости должны чувствовать себя в безопасности, – строго произнесла Инга.

Рыжая тоже была ведьмой, пусть и не такой сильной, как Яна, и тоже была наемницей, поэтому в ее голосе конец ощутил угрозу. Но пока не струхнул.

– Меня спасет семейная тайна, – хвастливо произнес Птиций. – Вам не устоять.

– А я попробую, – пообещала Инга.

³ Температура воздуха не более 30 градусов по Цельсию, температура воды не менее 24 градусов по Цельсию. Обслуживание уровня «5 звезд» (есть апартаменты de luxe). Главная достопримечательность – галеон «Изабелла» (сокровища реализованы).

– А я помогу, – поддержала подругу Яна.

Пару мгновений Птиций размышлял, шутят девушки или говорят серьезно, после чего сварливо произнес:

– Только попробуйте! Я тогда перестану ставить вам шоу, и об острове пойдет дурная слава.

В качестве подтверждения конец потряс свисающими на животик золотыми цепями.

– Недовольство барона – тоже дурная слава, – заметил Кортес.

– Очень хорошо, что мы плавно перешли к делам! – воскликнул Биджар. – Я как раз хотел сказать, что они идут далеко не так хорошо, как вам кажется.

Собеседники встретили заявление шаса кислыми минами.

Когда-то давным-давно остров безраздельно принадлежал наемникам. Более того, идея обустроить на нем курорт пришла в голову Инге, и реализовывать ее рыжая предлагала самостоятельно. Однако Биджар на правах старого друга сумел просочиться в число руководителей (а как же иначе?) проекта и здорово облегчил (благодаря своим связям и энергии) его реализацию. Остров превратился в туристическую жемчужину Карибского моря, приносил стабильный доход, но в качестве платы за успех наемникам приходилось регулярно выслушивать поучения прожженного шаса.

– Мы на краю финансовой пропасти!

Эта фраза традиционно открывала совещания владельцев Коста-Флибустьер. Хамзи искренне считал, что челы генетически не приспособлены к решению серьезных деловых вопросов, а потому не стеснялся драматизировать ситуацию.

– Что на этот раз? – осведомился Артем, четвертый и последний член команды наемников.

– Отель стал приносить меньше прибыли.

– Не ври, – в один голос заявили Инга и Яна.

В отличие от своих мужчин девушки просматривали документы регулярно, а не от случая к случаю, поэтому могли обоснованно возразить шасу.

– Какие шустрые, – ухмыльнулся Птиций. – И в колдовстве шарят, и в бухгалтерии. Не женщины, а таблетки аспирина какие-то,⁴ сосуды сплошных достоинств.

– Если вы так хорошо разбираетесь в финансовой отчетности, – с оттенком превосходства обратился к девушкам Биджар, – то должны были увидеть, что в этом квартале мы заработаем на тысячу меньше, чем в прошлом.

– Квартал еще не закончился, – припомнил Кортес.

– За пять дней ничего не изменится, – трагически отрезал шас. – Мы прогорим!

– Тысяча, это...

– Это та самая копеечка, которая заставляет задуматься о полновесном рубле, – перебил наемника Биджар. – Сейчас мы высокомерно плюем на мизерное уменьшение прибыли, а завтра начнем подсчитывать убытки, влезать в долги и наши дети станут побираться у церкви.

– Ты прикупил церковь? – поднял брови Артем. – И теперь нанимаешь служащих?

– Место бойкое?

– А что за религия? Надеюсь, ничего новомодного?

– Биджар, если ты всерьез решил заняться религией, то рекомендую взять франшизу у свидетелей Иеговы, – посоветовал Кортес. – У них хорошо поставлена служба по работе с клиентами.

⁴ Если вы сомневаетесь в полезности и достоинствах таблетки аспирина, попробуйте обойтись без нее воскресным утром на Коста-Флибустьер.

– Серьезнее, пожалуйста, мы обсуждаем важные вопросы. – Хамзи постучал авторучкой по бокалу, после чего сделал какую-то пометку в органайзере. Возможно, связанную с теологией.

– Если ты предложишь вновь поднять цены на спиртное, то я против, – пробурчал Кортес. – Публика нас не поймет.

– Цены на спиртное поднимать рано,ждемся следующего сезона.

– У нас круглый год сезон.

– Тогдаждемся Нового года. Цены, как обычно, поднимем, а опустить их, как обычно, забудем.

– Вот из-за таких фокусов наш курорт и начинает пользоваться меньшей популярностью.

– И еще потому, что вы плохо обращаетесь с творческой интеллигенцией, – пропищал Птиций, но на него не обратили внимания.

– Ты собираешься учить меня ведению дел?

– Но...

– И не надо. – Биджар приятно улыбнулся. – Не заставляй меня думать о тебе так, как я о тебе никогда не думал.

– Ты никогда не думаешь, ты считаешься.

– Спасибо, Артем, ты единственный из них, с кем можно вести дела.

– Вообще-то я пытался тебя подколоть, – признался молодой наемник.

– У тебя не получилось. Так вот. Я потратил кучу своего драгоценного времени и набросал план выхода из кризиса.

– У нас все в порядке...

– Девушки, молчите, плакать будете потом. Во-первых, мы должны срочно отыскать на острове дополнительные развлечения, способные привлечь внимание публики. Предположим, в лагуне обнаружится стая белых медведей...

– Которые кого-нибудь сожрут.

– Я даже знаю кого.

– Я прекрасно понимаю ваш профессиональный юмор, но сейчас он неуместен, обойдемся без смертоубийства. – Шас откашлялся. – Так вот: белые медведи...

– И несколько таинственных подземелий, – добавил Артем. – Этакие бункеры.

– Ты читаешь мои мысли!

– И пусть некоторым гостям снится последовательность таинственных чисел. Которая будет что-нибудь обозначать...

– Сумму его счета.

– Загадочная последовательность, – хлопнул в ладоши Биджар. – Блеск!

– У тебя появилось время на телевизор?

Наемники рассмеялись.

– Хорошо же ты думаешь о делах!

– На диване валяется!

Шас покраснел, но сумел взять себя в руки.

– Поскольку в моем ведении оказался курортный остров и куча бестолковых компаньонов, я был вынужден просмотреть материалы по теме.

– А где ты черпаешь бизнес-идеи? В телепузиках?

– Попрошу без оскорблений!

Кортес, поняв, что они вот-вот перегут палку, махнул рукой и примирительно произнес:

– Не обижайся, Биджар. Просто воскресная ночь – не самое лучшее время для деловых разговоров.

Пару секунд Хамзи дулся, но потом природа взяла свое, и шас вернулся к одному из любимейших занятий – построению бизнес-плана.

- Хорошо, вычеркиваем медведей и подземелья. Нападение пиратов устроить можем?
- Они захватывают самых красивых женщин из числа отдыхающих и увозят их в неизвестность, – немедленно включился Птиций. – А мужикам, которые захотят присоединиться, будем продавать билеты.
- Нет, пусть нападение будет почти настоящим, – покачал головой Биджар. – Но без жертв.
- Где будем брать пиратов? – осведомилась Яна.
- А что, поблизости нет? – Хамзи пожевал губами. – Наймите каких-нибудь наркоторговцев. Здесь вроде плавают.
- Вообще-то мы сделали так, чтобы они сюда не заплывали.
- Бизнес-план рушился на глазах.
- Это вы погорячились, – вздохнул шас. – Публику надо взбодрить, друзья мои, устроить шумиху... Ладно, я еще поработаю над этим вопросом. – Он сделал пометку в блокноте. – А пока переходим ко второму пункту: нужно лучше работать с клиентами.
- Мы от них не прячемся, – пожал плечами Кортес. – Если обращаются, не отказываем.
- С утра вторника до вечера четверга вы с Артемом были на рыбалке.
- Мы не могли задержаться дольше, нас пригласили на день рождения.
- Почему вы вообще покинули рабочее место в разгар сезона?
- Мы не работаем, – мягко напомнил Кортес. – Мы этим курортом владеем.
- Но это не значит, что ты должен целыми днями валяться в гамаке или неделями пропадать на рыбалке, – сурово заявил Биджар. – Веди себя более радушно. Выпивай не только с друзьями, но и с другими клиентами. Расскажи за столом пару баек...
- Почти все известные мне байки до сих пор снабжены грифом «Совершенно секретно», – проворчал наемник.
- Это для челов секретно, а нам все по фигу, – не сдавался Хамзи. – Нам ваши секреты по барабану, нам байки нужны.
- Нет.
- Ну, хотя бы дай слово, что...
- Не дам!
- «Нет», «не дам», – передразнил наемника шас. – Ты только это и говоришь!
- Я был шестым ребенком в семье, – объяснил Кортес. – И «не дам» стало первыми словами, которые я произнес.
- А потом? – заинтересовалась Яна.
- Дай. Мое. Мама. Именно в такой последовательности. – Наемник поставил бокал на стол. – И вообще, мы с Артемом сегодня едем в Москву.
- Что? – Инга поперхнулась коктейлем и вытаращилась на друга: – Куда?
- Не менее удивленный Артем едва заметно пожал плечами и вопросительно посмотрел на напарника. Яна осталась спокойна.
- Вот! – Хамзи даже подпрыгнул на стуле от возмущения. – Вот об этом я и толкую! Никакой ответственности перед обществом и компаньонами! Детский инфантилизм!
- Такова жестокая реальность, – подвел итог Кортес. – Так что рассказывай байки сам.
- Биджар повернулся к девушкам:
- Вы позволите им развалить наш курорт?
- Кортес знает, что делает, – медленно ответила Яна, внимательно глядя на друга. – Если им с Артемом нужно в Москву, значит, им нужно в Москву.
- Аспирин, – пробубнил Птиций. – Как есть аспирин.
- Хамзи всплеснул руками.

* * *

*Муниципальный жилой дом
Москва, улица Автозаводская,
25 сентября, понедельник, 08:04*

Если хотите понять, в каком районе города оказались, что за люди вас окружают, что их заботит, о чем думают, – просто подойдите к ларьку с периодикой. Посмотрите на товар, и вам все станет ясно.

В обоих киосках вестибюля «Автозаводской» Мурза не обнаружил ничего, что могло бы его заинтересовать. Лидировали «Зятек», «Тещин язык», «Лиза», «Я сама» и «Hello», представленные не только свежими, но и старыми номерами. Кроме них, предлагалось несколько вариантов телепрограмм, журналы мод, брошюры «Как похудеть, выпивая стакан перекиси водорода в неделю» и карманные любовные романы. Разумеется, Мурзин не ожидал обнаружить в киоске метро «Вестник Академии наук», но хоть что-то удобоваримое быть должно! Впрочем, около ларька Сергей задержался скорее по привычке, чем испытывая желание чего-нибудь купить. Может быть, в других обстоятельствах он бы и взял с собой журнал, ведь ему предстояло провести в ожидании неопределенное время, однако, постояв перед киоском, Мурза понял, что читать не сможет.

Не тем была забита голова. Потому что...

Потому что в семь часов утра Лужный не позвонил. Сергей прождал до семи тридцати и лишь после этого выбросил сим-карту, оборвав тем самым возможность связи с профессором. Может, старик проспал (господи, пусть будет именно так!), может, он лежит в реанимации, а может... А может, до него добрались. В любом случае теперь каждый сам по себе, и действовать придется так, словно Лужный вне игры, не рассчитывая на его поддержку и советы. Более того: действовать придется, исходя из предположения, что профессор рассказал «им» все, что ему известно о Мурзе.

Сергей не знал, кто такие «они», но был уверен, что человек, которого он выслеживает, связан с «ними». Не главный из «них», конечно, скорее мальчик на побегушках, но это единственная нить к тем, кто заварил кровавую кашу. К тем, из-за кого Мурза потерял лучших друзей и старика, которого считал вторым отцом. Из-за кого боится возвращаться домой и настороженно смотрит на полицейских.

Из-за кого он вынужден жить оглядываясь.

Мурзин понимал, что виноват и сам, что таинственные «они» всего лишь воспользовались его неукротимостью и жаждой победы. Но сделанного не воротишь, а посему ругать себя бессмысленно. Мстить тоже бессмысленно, но иначе Сергей не мог. Потому что в его ситуации или бежишь, или дерешься, а бежать Мурза не хотел.

Жить он хотел. А драка оставляла надежду.

Сегодня Сергей проснулся успокоившимся. Мысль о том, что он натворил дел на пожизненную каторгу, угнетала его не так сильно, как в предыдущие дни. Смирился. Заставил себя не думать об этом. Заставил забыть. Сейчас нужно разузнать о «них» как можно больше, найти что-то, что позволит купить жизнь, или у властей, или у «них». Нужны козыри. А чтобы они появились, нужно тянуть за ниточку.

Мурза бросил взгляд на часы – двадцать минут девятого, – в этот момент подъездная дверь запахнулась, и на улицу вышел шуплый парень в застегнутой до горла куртке и джинсах. Поморщившись на морозящий дождь, он открыл зонтик и быстрым шагом направился к станции метро. Обычный парень, торопящийся на работу или занятия.

– Я-то думал, ты вольная птаха, Крохин, – зло усмехнулся Сергей ему вслед. – А ты, оказывается, пролетарий, сука. Или студент.

Парень обернулся и рассеянно оглядел двор. Увидеть Мурзу он не мог, а потому, постояв пару мгновений, передернул плечами и продолжил путь.

Почувствовал агрессию?

После вчерашних событий Сергей окончательно убедился в том, что «ухо» предупреждает владельца о грозящей опасности. Поверить в подобное было трудно, но... За последние дни Мурза увидел достаточно, чтобы понять – в мире, к которому он прикоснулся, возможно все.

«Контролируй себя! Ты не имеешь права облажаться!»

Сергей глубоко вздохнул, собрал в кулак всю волю и, стараясь не думать о том, как было бы хорошо вышибить шуплому Крохину мозги, заторопился следом за парнем: для начала нужно узнать, где работает человек, сломавший ему жизнь.

* * *

*Офис компании «Тиградком»
Москва, 1-я Брестская улица,
25 сентября, понедельник, 09:27*

Кирпичное здание на 1-й Брестской улице практически ничем не выделялось в ряду соседних домов, ну, разве что некоторой простотой архитектуры, которой, положив руку на сердце, не место в историческом центре города. С другой стороны, говорить о каком-то историческом центре после вакханалии двадцатого века можно с большой натяжкой. Сталинские гиганты, брежневские «кошмарники», а теперь еще и современные стеклобетонные офисы – странная эклектика московских районов давно превратилась в архитектурный апокалипсис. Единый план застройки существовал лишь в воспаленном воображении городских властей, оставалось довольствоваться тем, что есть, а потому кирпичное здание на 1-й Брестской действительно не привлекало к себе внимания – еще один ящик, не хуже и не лучше других. В меру ухоженный дом, которым пользуются, но до блеска не вылизывают. Окна закрыты плотными единообразными жалюзи. У главного входа скромная бронзовая табличка: «Тиградком», немного старомодная, но ведь главное не вывеска, а наполнение, не так ли? А с наполнением у кирпичного дома все было в порядке.

Компания «Тиградком», входящая в тройку крупнейших российских провайдеров, в основном занималась именно тем, что декларировала: электронными коммуникациями, и ее услугами пользовалась изрядная часть москвичей. Однако главной целью создания фирмы было обеспечение надежной и защищенной связи для жителей Тайного Города, создание и развитие ОТС – Объединенной Телекоммуникационной Сети, включающей в себя Интернет, мобильную телефонию, радиостанцию и телеканал, сигналы которых можно было принять, лишь подключившись к «Тиградком». То есть узнав о существовании Тайного Города. Нормальная работа компании была возможна только благодаря тесному слиянию магии с последними достижениями науки, совместному труду колдунов с лучшими человеческими инженерами и программистами, ведь даже директором «Тиградком» – уникальный для Тайного Города случай! – был чел. Но при этом поддержанием ОТС занимались не только гении, но и обычные работяги. Незаметные парни в белых комбинезонах с фирменным логотипом «Тиградком», что разъезжались по утрам из подземного гаража на белых фургонах и мини-вэнах.

– Как выходные? – поинтересовался Уткин, бросая сумку в багажник белого «Доджа Каравана».

– Так себе, – мрачно ответил Виктор и собрался было помахать перебинтованной кистью правой руки перед носом напарника, как понял, что тот уже отвлекся.

– Начнем, пожалуй, с Павелецкой, – пробормотал Уткин, разглядывая маршрутный лист. – Там у кого-то из Турчи телевизионный сигнал не принимается.

Представители гордой семьи Шась, несмотря на древнюю, запутанную, но, бесспорно, славную историю, носили всего четыре фамилии: Турчи, Кумар, Хамзи и Томба. А потому правильный перевод выражения «кого-то из Турчи» звучал не как «кого-то из родственников того самого Турчи», а «кого-то из этих носатых однофамильцев». Или «носатых проходимцев». Шасы, державшие в плотных объятиях торговлю и финансы Тайного Города, вызывали, мягко говоря, разноплановые отзывы у его жителей.

– Потом поедem на Большие Каменщики, – продолжал бормотать Уткин. – Там, похоже, придется повозиться. А дальше по времени: или едем на Язу, или возвращаемся в офис.

Крохин вздохнул.

Ему, как «молодому», определили в напарники одного из самых опытных техников «Тиградком». Уткин уже лет двадцать таскал по Тайному Городу коммуникации, славился умением быстро разобраться с любой технической проблемой, а кроме сверхурочных, его беспокоило только то, как сыграл ЦСКА. В разных видах спорта ЦСКА играл по-разному, что и вызывало перепады уткинского настроения.

Он уселся за руль, вставил ключ в замок зажигания, но поворачивать не стал, перевел взгляд на Крохина с видом человека, забывшего нечто важное, помолчал и, вспомнив, переспросил:

– Так как, ты сказал, выходные прошли?

– Не очень, – буркнул Виктор. – Родители велели забор к зиме починить, так я всю руку пилой распахал.

И наконец-то привлек внимание Уткина к перебинтованной кисти. Впрочем, ненадолго.

– Шашлык был? – осведомился напарник, заводя мотор.

– Был, – коротко ответил Крохин и отвернулся.

Он был поздним ребенком, чего, кстати, всегда стеснялся. Год назад отец Крохина вышел на пенсию, и родители окончательно переселились в маленький домик на крохотном садовом участке, оставив московскую квартиру в полное распоряжение Виктора. Взамен Крохину приходилось мотаться на дачу практически каждые выходные.

– А футбол в субботу смотрел?

– Очень надо.

– Что ты за мужик, Кроха? Я вот две бутылочки пивка...

Виктор демонстративно извлек мобильный телефон и, пробормотав: «Извини, позвонить надо», набрал номер:

– Карина? Привет...

– «Тиградком»? – Мурзин задумчиво покачал головой. – Занятно...

Компания известная и солидная – Сергей и сам ежемесячно перечислял ей деньги за пользование интернетом. Поверить в то, что «Тиградком» являет собой логово бандитов, не получалось.

– Это твоя «крыша», Крохин, да? Здесь ты прячешься. – Мурза развернулся и зашагал к «Белорусской». – Ну, ладно, я до тебя все равно доберусь.

* * *

*Московский филиал школы Солнечного Озера
Москва, улица Старая Басманная,*

25 сентября, понедельник, 09:43

– Увидеться сегодня?

– Я соскучился, мы уже две недели не встречались, – проныл Виктор. – Давай сходим куда-нибудь, а? Киношка новая вышла...

«Киношка!» Карина закатила глаза, и в памяти немедленно возник тусклый образ школьного приятеля: унылый взгляд серых глаз, вислый нос, грозивший со временем превратиться в увесистый баклажан, узенький подбородок и жидкие пряди до плеч, которые Виктор гордо именовал «шевелюрой».

– Кроха, миленький, сегодня никак не получится. Только не обижайся, ладно?

– Ты занята?

– Думаешь, легко учиться и в институте, и в школе Зеленого Дома? У меня совершенно нет времени – сплошные занятия.

– Давай завтра...

Продолжать разговор в этом ключе девушке не хотелось. Она уже собиралась свернуть беседу, сославшись на начало занятий, однако, неожиданно вспомнив кое о чем, перебила Виктора:

– Кроха, я ведь совсем забыла! У меня есть для тебя дело!

Виктор грустно вздохнул, но отказываться не рискнул. В конце концов, эти самые «дела» были одной из немногих ниточек, которые пока связывали его с Кариной.

– Какое?

– Давай я тебе перезвоню после обеда, хорошо? У меня занятия через пять минут. Никуда не пропадай! – Карина бросила телефон в сумочку и пожаловалась: – Совсем забыла о докладе по высшей магии Чуди.

Сидящая на подоконнике Марина понимающе улыбнулась:

– Крохе поручишь?

– Он же в «Тиградком» работает! – напомнила Карина. – Ему ни хакать, ни платить не надо: залезет куда захочет и вытащит любую инфу. – И, не удержавшись, похвасталась: – Он мне два прошлых доклада сделал и курсовую.

– Нужный парень.

– Только мелкий, – махнула рукой Карина. – Ох, курить охота.

В школе Солнечного Озера, как и в любом другом заведении Тайного Города, курить запрещалось строго-настрого, даже во дворе. Представители древних цивилизаций не терпели ни табачного дыма, ни пропахших табаком учеников, что доставляло массу неудобств некоторым челам.

– Как-то ты о Вите не по-доброму, – бесстрастно заметила Марина. – Он же твой друг.

– Друг объелся мух. – Карина скривила ухмылку. – Со школы много воды утекло.

Теперь она не только студентка престижного института, но и самая настоящая волшебница. Она – одна из избранных, одна из немногих челов, способных работать с магической энергией, одна из тех, перед кем раскрыл свои секреты Тайный Город. Ее ждет блестящая карьера, ослепительное, неординарное будущее, в котором не будет места мелкому технику «Тиградком», куда, кстати, именно она и пристроила школьного дружка. Впрочем, об этом эпизоде Карина вспоминать не любила.

– Мы слишком разные.

– Согласна. – Марина с готовностью кивнула. – Жаль, что он этого не понимает. Мучает и себя, и тебя.

– Меня? – Карина рассмеялась. – Да плевать я хотела на Кроху и его чувства. Тоже мне Ромео...

У нее был звонкий, очень приятный смех. Красивое лицо. Отличная фигура. Марина, несмотря на довольно высокий рост, выглядела на фоне подруги «серой мышкой»: узкие плечи, маленькая грудь, тонкая талия, но при этом – довольно широкие бедра. И хоть ноги у нее были достаточно длинные и стройные, Марине казалось, что они ее портят. Каре прямых волос, которые девушка перекрашивала едва ли не каждые два месяца, едва закрывало шею. Лицо кругловатое, привлекательное, но не заставляющее биться мужское сердце: маленькие зеленые глаза, нос прямой, но толстоват в крыльях, рот опять же широковат. Внешность не самая заурядная, но до яркой подруги Марине было далеко.

«И все-таки, милая, настоящая ведьма из нас я».

Потому что не внешность для колдуньи главное, а мозги, ум и внутренняя сила. А Карина мало того, что особыми возможностями не отличалась – преподаватели давно определили ее максимальный уровень, как «0.8 феи», так еще и училась с ленцой. А авторитет среди сокурсников... он ведь другим зарабатывается.

– Я тебя вчера в «Ящеррице» видела, – обронила Марина.

– Почему не подошла?

– Ты вроде не скучала.

Карина внимательно посмотрела на подругу.

– Не выдашь меня?

Официального запрета на амурные приключения с молодыми рыцарями в Зеленом Доме не существовало, однако преподавательницы относились к интрижкам без восторга, и потому вряд ли одобрили бы шашни между чудом и молоденькой человеческой ведьмой.

– Ты сама сделала все, чтобы засветиться, – ровно произнесла Марина. – В «Ящеррице» полно народу собирается. – Выдержала паузу. – А разговор я завела для того, чтобы ты знала: если преподы на тебя наедут, то я ни при чем.

– Спасибо.

– Не за что. – Марина вновь помолчала. – Как его зовут?

– Фредди... – Карина мечтательно прикрыла глаза. – Он такой сильный.

– Неутомимый?

– Еще какой!

Девушки весело рассмеялись.

* * *

*Южный Форт,
штаб-квартира семьи Красные Шапки
Москва, Бутово,
25 сентября, понедельник, 11:11*

В штаб-квартирах семей Тайного Города пахло по-разному. Свежий воздух Зеленого Дома нес в себе аромат трав и цветов, не сильный, бьющий в нос, а легкий, едва уловимый, переменчивый, напоминающий то о широкой степи, то о величавой дубраве. В Замке чудов испокон веков царил запах кованого железа и кожи, иногда – мокрой кожи. Казалось, даже заклинания чудов пахли вороненой сталью, острым, готовым разить клинком. В Павильоне Обманщиц, логове очаровательных и ужасных морян, правил бал аромат персиков. Московская обитель окутывала посетителей терпким запахом, стерильной – как заверяли эрлийцы – смеси притираний, бальзамов, мазей, отваров и полезных трав. В Денежной Башне шасов улавливался дух кредитов, казначейских обязательств, товаров франко-порт, фьючерсных контрактов и делового кофе во время переговоров. Пожалуй, лишь в Цитадели не пахло ничем. То

есть абсолютно. Ибо любой возникший в ней аромат нарушил бы идеальный порядок, который навы поддерживали в своей штаб-квартире. И лишь в подвалах, поговаривали, пахло болью.

А вот Южный Форт являлся полной противоположностью Цитадели. В штаб-квартире Красных Шапок не пахло, в ней воняло, при этом выделить главную составляющую сшибающего с ног аромата не представлялось возможным. Дешевый виски и реакция на него организмов, пропахшая потом одежда и безыскусно приготовленная еда, мусорная куча во дворе и Гниличи, которые, по уверению дикарей из конкурирующих кланов, являлись основным источником своеобразного запаха семейного логова. Одним словом, посещение Южного Форта являлось тяжелым испытанием для обоняния гостей.

– Дыня, скажи «а».

– Сам говори, придурок, у меня голова не казенная, чтобы ее на ерунду тратить.

– При чем здесь голова? – не понял Булжник Дурич.

– А говорить я чем буду? Пяткой?

Булжник, сраженный аргументом, только крякнул. Дыня победоносно улыбнулся и продолжил обкусывать ногти. Несколько мгновений Дурич тупо наблюдал за действиями берегущего голову Дыни, после чего отвернулся и сплюнул.

Обстановка великофюрерского кабинета не была особенно роскошной. Кувалдинское кресло, массивный стол с длинным аппендиксом для участников совещаний, табуреты и бар – вот, собственно, и вся мебель. Был еще вмонтированный в стену сейф, дверца которого брошированной заплатой торчала справа от бара, но это уже не обстановка, а деталь интерьера.

Кувалда любил казаться скромником. А еще он любил щегольнуть перед верноподданными их к нему любовью, а потому, помимо внушительной толщины сейфовой дверцы, стены украшали фотографии и картины, запечатлевшие одноглазого в различных обстоятельствах великофюрерства. Помимо ростового портрета хозяина кабинета, здесь присутствовали панорамные фото «Великий фюрер принимает военный парад в день юбилея Вознотопской битвы» (Кувалда надувается спесью на трибуне, удачно скрывающей главную кучу мусора Южного Форта) и «Великий фюрер обсуждает с королевой Зеленого Дома важные дела» (далеко на заднем плане видна отвернувшаяся Всеслава). А также картина маслом «Великий фюрер открывает мемориал памяти жертв репрессий прошлых великих фюреров» (мраморная доска с изображением официальной семейной виселицы) и прочие памятные изображения.

Насладившись видами одноглазого, Булжник снова сплюнул, после чего его взгляд уперся в пришпиленный к стене лист бумаги, и дикарь по складам (уже третий раз за утро) прочитал:

«Павестка дня. 1. Падгатофка к зиме. 2. Встафка идиотам. 3. Разное».

Первоначально уйбуи⁵ были будированы вторым пунктом повестки и принялись живо обсуждать, кого именно из идиотов имел в виду великий фюрер, что именно он будет им вставлять на этот раз и куда. Мнения выдвигались самые разные, одно чудовищнее другого, однако постепенно дискуссия сошла на нет, и теперь уйбуи просто скучали. Очередное заседание Фюрерского совета по неотложным и оборонным вопросам никак не могло начаться – задерживался фюрер, которому избранные представители семьи должны были наперебой давать советы по обороне и другим неотложным делам, а в ответ получать вставки и разное.

– Плати десятку! Я дольше продержал!

– У тебя голова плоская, – пробубнил Шкура Гнилич, вытаскивая из кармана жеваную купюру.

– Может, и плоская, зато деньги приносит!

⁵ Уйбуи – десятник (приблизительный перевод с диалекта Западных Лесов).

Бульжник вздохнул и подошел к кучке уйбуев, которые соревновались в удерживании на голове пустой бутылки из-под виски. Поскольку других развлечений не было, турнир привлек внимание практически всех дикарей. К тому моменту, когда Дурич присоединился к болельщикам, сосуд оказался на бандане Гильзы Шибзича и, несмотря на все усилия уйбуя, довольно быстро с нее соскользнул.

– Плохо держится, потому что пустая, – проворчал расстроенный Гильза.

– Голова?

– Бутылка, дурак!

– Кто же тебе полную даст? – захмылялись окружающие.

– Надо бы в нее влить чего-нибудь для балласта, – объяснил Гильза.

Странное слово вызвало у менее образованных сородичей законные подозрения.

– Ты как меня обозвал?

– Не тебя, а в бутылку. Чтобы стояла лучше.

Половина уйбуев встретила последнюю фразу издевательским хохотом. Оставшиеся, не сообразившие, что именно развеселило сородичей, продолжили обсуждение научных вопросов.

– Когда в бутылку долить, она тяжелее станет.

– Голова поломаться может.

– Не голова, а шея.

– Шея от бутылки не сломается. Я ваще на шее стоять могу.

– Покажи!

Шкура Гнилич, оказавшийся рядом с Бульжником, зевнул и высказал свое мнение:

– Если в бутылку влить, то он это выжрет на хрен.

– Кувалда? – не понял собеседника Дурич.

Шкура покачал головой и, понизив голос, проворчал:

– Кувалда, собака, не выжрет. Умный, хрен.

Ему явно хотелось посплетничать, и Бульжник охотно поддержал тему:

– Опять не получилось?

– Тихо! – Гнилич опасно огляделся. – У него тута битлы повсюду.

– Не битлы, а жуки.

– Один хрен – слушают.

– Не работают они, – успокоил нервного Шкуру Дурич. – Я сам слышал, как Копыто ругался на это, адназначна.

– Может, он специально?

– Не, не специально. – Бульжник кивнул на Копыто Шибзича, самого верного пса одноглазого Кувалды. – Гляди, как зыркает, звереныш. Адназначна потому, что жуки накрылись.

Уйбуи еще больше понизили голоса и теперь буквально шептали друг другу в уши последние семейные новости. Стоящий в нескольких шагах от шептунов Копыто счел подобное поведение подозрительным, но поскольку, что именно обсуждали Шкура с Бульжником, Шибзич не слышал, ему оставалось лишь скрипеть зубами: вешать только за подозрения королева Всеслава запрещала.

– Ты чо, на прошлом совете не был?

– Не-а.

– А там Горшок выпендрился на хрен. Принес виски, типа щедрый, и к Кувалде подкапывает: мол, хочу тебя, великий фюрер, угостить душевно за все хорошее, что ты, типа, для нас сделал. И стакан наливает.

– А Кувалда?

– А Кувалда в ответ: выпей, говорит, со мной, славный уйбуя. И тоже стакан подставляет. Горшок, дурак, выпил, а Кувалда хитрый, не стал. Ему тогда все говорят: Кувалда, на хрен,

это не по-пацански ты делаешь, что не пьешь ваще. А он говорит: чего это я буду пить, когда уйбуи язык высунул и молчит. Мы смотрим, а Горшок уже синий валяется. Такой вот хрен образовался.

Булыжник, который представить себе не мог, как можно отказаться от халявного виски, тяжело вздохнул:

– Умный, мля.

– Как налоговый инспектор, на хрен, – подтвердил Шкура.

– Как же его травануть, если он вперед требует пить?

– Вот и мы головы ломаем.

Избавиться от великого фюрера Красные Шапки мечтали искренне, от всей души, и попытки предпринимали едва ли не каждый месяц. И не потому они желали скovyрнуть Кувалду, что одноглазый им не нравился, – все прекрасно понимали, что следующий вожак будет вешать оппонентов с такой же интенсивностью, – просто страсть к междоусобицам навсегда запечатлелась в дикарских генах, и долгое время не меняющийся фюрер насиловал инстинкты верноподданных.

– Ничо, – процедил Булыжник. – Адназначна доберемся.

И резко повернулся к распахнувшейся двери.

– Слава великому фюреру! – рявкнул Копыто. – Сми-и-ирна!

Уйбуи замерли.

– По местам, – буркнул Кувалда, неуверенным шагом приближаясь к креслу. – Сейчас советоваться станем, шантрапа...

– Что-та он бледный, – прошептал Шкура.

– Злой, наверное, – так же тихо отозвался Булыжник. – Вишь, как голову ему разнесло? Все от ума адназначна.

В действительности великий фюрер не любил рисковать, а потому на каждое заседание Совета надевал под бандану металлический колпак. На всякий случай, так сказать. В результате его голова приобретала дополнительный объем, что давало уйбуям повод шептаться о несообразном для Красных Шапок уме одноглазого.

Тем временем Кувалда утвердился на фюрерском седалище, рыгнул, с очевидной бесцельностью перебирая разбросанные на столе бумажки, и осведомился:

– Ифиоты уже опрефелились?

Шепелявость, свойственная всем Красным Шапкам, сильнее всего проявлялась у Шибзичей, а уж Кувалда был в ней настоящим чемпионом.

– Я спрашиваю: кто хочет стать ифиотом?

Уйбуи благоразумно помалкивали. Низкий великофюрерский лоб покрылся испариной, и теперь уже все присутствующие на совещании дикари обратили внимание на неестественную бледность предводителя.

– Я не понял, прифурки. Мы собрались решать важные вопросы, у нас зима на носу, отопительный сезон и уборка снега, а никто не хочет выступать, фа? Никто не хочет быть ифиотом?

Бледность неожиданно сменилась густой краснотой. Разозленный Кувалда побагровел, вскочил на ноги, намереваясь приступить к традиционному для заседаний Совета истерическому выступлению, но неожиданно замер, пару секунд постоял, яростно вращая глазами и хватая ртом воздух, а затем рухнул обратно в кресло. В следующую секунду голова великого фюрера с металлическим стуком врезалась в стол.

Уйбуи сопроводили произошедшее почтительным молчанием.

Они давно привыкли к эксцентрическим выходкам главаря и теперь гадали, что на этот раз задумал одноглазый.

Однако секунды тикали, Кувалда не поднимался, и дикари начали ерзать на табуретах.

– Эй, твое превосходительство!

– Высокопревосходительство, – машинально поправил Шкуру насторожившийся Копыто.

– Какой он высоко, если валяется? – резонно заметил Гильза.

– А чего он валяется?

– Может, умер? – неуверенно выразил Бульжник общую мечту.

Некоторое время дикари переваривали предположение Дурича.

– Проверить надо на хрен, – высказался Шкура. – Давайте в него потычем чем-нибудь?

– У кого нож есть?

– Топор. Топор несите!

– Назад!

– Да мы только посмотрим...

– Назад, сказал!

– Кто-нибудь свяжите Копыто!

– И повесьте!

– Великий фюрер помер!

Кувалда не подавал признаков жизни. Еще секунда, может, две, и ситуация выйдет из-под контроля. Оружия у уйбуев не было, но кто помешает им порвать лежащего без сознания фюрера голыми руками? Или выбросить в окно? Или загрызть?

«А потом и меня...»

Копыто прекрасно понимал, что разделит судьбу одноглазого, а потому инстинкт самосохранения не позволил уйбуу впасть в ступор. Хорошо знающий секреты великофюрерского кабинета Шибзич не стал дожидаться, пока его свяжут и повесят, а молодецки перепрыгнул через стол и выхватил из тумбы дробовик:

– Назад!

Безоружные мятежники машинально подчинились – переть против ствола дикари не желали. Но и сдаваться просто так не собирались.

– Слышь, Копыто, не мути воду, а?

– Не мешай революции, братан! Все на мази, а ты запаadlo кидаешь.

– И ваще нас больше.

– А у меня картечь, мля! – заорал Копыто, с трудом водружая бесчувственного фюрера на плечо. Учítывая, что при этом Шибзичу приходилось держать на мушке сородичей, задача перед ним стояла нелегкая. Но он справился. – Кто первым идиотом станет, а?

Как и в предыдущем случае, идиот не отыскался.

Мятежники проводили отступающего Копыто недобрыми взглядами и пришли в движение лишь после того, как уйбуу захлопнул за собой тяжелую металлическую дверь.

– Ломай ее!

– Чем?!

– Я щас своим позвоню!

– Так ведь трубы тоже сдали!

– В окно! В окно кричите! Не дайте Копыту уйти!

В кабинете воцарился небольшой бедлам. Кто-то бился телом о железную дверь. Кто-то хрипло орал в окно, окутывая двор Южного Форта игривым матерком. Кто-то громко рассуждал, что сделает с Копыто, когда тот попадет в его руки. И лишь Бульжник сумел сохранить самообладание. Он отвел Шкуру в сторону и негромко произнес:

– Надо бы это... когда выберемся, сразу бойцов послать к Московской обители.

– Зачем?

– Чтобы эрлийцы Кувалду не вылечили, – объяснил хитроумный Дурич. – А то всем нам на виселице болтаться адназначна.

- Голова, – с уважением ответил Гнилич. – В фюреры, метишь, на хрен?
Булыжник сплюнул и пожал плечами:
– Жить хочу.

* * *

*Зеленый Дом, штаб-квартира Великого Дома Людъ
Москва, Лосиный Остров,
25 сентября, понедельник, 12:29*

Любители погулять по Лосиному Острову прекрасно знают о существовании в глубинах заповедника недоступных обычным гражданам участков. О неожиданно возникающих предупредительных надписях. О проволочных заборах, натянутых между деревьями и кустами. О перекрытых шлагбаумами дорожках и охранниках. Слухи об этих участках ходили самые разные. Кто-то говорил, что там находится особая природоохранная зона, лосиное и глухариное нерестилище, так сказать. Кто-то добавлял, что одновременно она является охотничьим угольем для олигархов и слуг народа. Другие намекали на спрятанный под Лосиным Островом военный объект. Третьи были уверены, что в лихие девяностые в заповеднике вырос элитный коттеджный поселок для не знающих законов богатеев. И они, эти самые третьи, были ближе всех к истине. В Лосином Острове действительно жили. Но не люди, а люды. Поселились они там давным-давно, и именно благодаря им на территории Москвы и сохранился огромный природный заповедник.

За проволочным забором, за красно-белыми шлагбаумами, вдали от посторонних глаз, стоял старинный, словно сошедший с былинных картин дворец, сложенный из могучих бревен и камней, – Зеленый Дом, сердце славной Людъ, штаб-квартира Великого Дома, за стенами которой скрывался знаменитый Колодец Дождей.

За свою многовековую историю дворец знал и пышные празднества, и жестокие битвы, пережил множество штурмов и еще больше балов, впитал в себя стоны умирающих и крики победителей. Но накал страстей, что кипели сейчас в кабинете королевы, сделал бы честь самому суровому сражению.

Стеклянные дверцы книжных шкафов тихонечко звенели, деликатно намекая, что голоса чересчур громкие. Цветы на подоконниках трепетали в тюрмах горшков, желая оказаться как можно дальше от эпицентра скандала. Колыхались занавески. Шерсть на ковре встала дыбом. И лишь массивный дубовый стол демонстрировал полное спокойствие, ни на йоту не сдвинувшись со своего места, и это несмотря на то что ссорящиеся стояли около него, превратив полированную столешницу в импровизированное поле боя.

- Всеслава!
– Я не хочу ничего слушать!
– Тогда как мне все объяснить? – растерянно осведомился барон.
– Объяснить?! – В огромных глазах королевы сверкнуло бешенство. – Ты можешь это объяснить?! Ты что, издеваешься?

Всеславу не зря считали одной из самых красивых женщин Тайного Города – даже будучи разъяренной, она оставалась прекрасной, и несчастный Мечеслав волей-неволей любовался своей королевой.

– Юбилей... – промямлил барон, опуская глаза. – Ратомир устроил большой праздник, и мы... увлеклись.

А что он еще мог сказать?

– И устроили драку на Триумфальной площади!

– Но мы же не всерьез!

- Пять машин сгорело!
- Мы возместили ущерб! У челов никаких претензий!

Поняв, что натворили, бароны наняли лучших адвокатов Тайного Города и сумели замять ситуацию в кратчайшие сроки.

- Шум во всех газетах!
- Так ведь никого не поймали!
- Еще не хватало, чтобы вас повязала человская полиция!
- Именно поэтому мы и смылись на остров... – радостно продолжил Мечеслав.

И тут же осекся, поняв, что напоминать об этом не следовало. Начавшая было успокаиваться королева мгновенно припомнила главные прегрешения барона:

- Ты плясал канкан со шлюхами!
- Невинная шутка. Неужели ты думаешь...

– Мне пришлось заплатить «Тиградком», чтобы они не пускали в эфир эту позорную запись!

- Но ведь ничего не было.
- Этого еще не хватало! – рявкнула Всеслава.

Барон содрогнулся, на секунду представив, что было бы, если бы что-то было. Картина вырисовывалась кошмарная. Впрочем, она и сейчас была далека от радужной.

«Ну, Ратомир, я тебе припомню: „Еще по одной!“»

Если честно, на юбилее бароны напились не так уж сильно, просто им было весело. Просто весело. Хотя кого это сейчас интересует? Уж точно не Всеславу.

– Ты давал себе отчет, как твои похождения будут смотреться по телевизору? «А кто это там тискает раскрашенных девок? Как, вы не знаете? Это же барон Мечеслав, славный хозяин домена Сокольники, близкий друг королевы...» О чем ты думал, идиот?

- Предполагалось, что это будет частная вечеринка. Без прессы.
- На которой можно вести себя как пьяная обезьяна?
- На которой можно от души повеселиться.

– От души?! – Задохнувшаяся от гнева Всеслава стиснула кулачки, секунду постояла, буравя провинившегося барона яростным взглядом зеленых глаз, а затем быстрым шагом направилась к выходу из кабинета. – Аудиенция окончена!

Барон бросился следом:

- Всеслава...
- Вы еще здесь?
- Я не уйду, пока...
- Ах, так?! Ямания!
- Я здесь, Ваше Величество!

Начальница королевской канцелярии замерла у письменного стола и старательно делала вид, что не подслушивала, о чем говорили в кабинете Всеслава и барон.

– Ямания, за мной! – Королева вернулась в кабинет. – Нас ждут важные государственные дела!

- Согласна, ваше величество. Я как раз хотела...
- Всеслава! Мы должны поговорить наедине!
- Вы не собираетесь уходить, барон?
- Нет, – рубанул Мечеслав.
- В таком случае придется вас куда-нибудь послать.
- По-моему, ты перечислила достаточно направлений...
- Но вы не ушли!
- Ни одно не понравилось.
- Придется послать вас официально.

– А я все равно не пойду!

– Надеюсь, барон, вы не забыли, что состоите на королевской службе? – ледяным тоном осведомилась Всеслава.

– Нет, – буркнул Мечеслав.

– В таком случае... в таком случае... – Королева огляделась, увидела секретаря, о которой успела забыть: – Ямания!

– Да, ваше величество!

– Пиши указ.

– Я слушаю.

Выражение лица барона показывало, что он готов съесть... нет, что он готов сожрать и фату, и блокнот, который появился в ее руках.

– Сего числа, сего месяца, настоящим... Ну, официальная шапка.

– Я понимаю, ваше величество.

Но что дальше?

Взгляд королевы скользнул по разбросанным на столе бумагам. Прощения, отчеты казначейства, доклад воеводы Дочерей Журавля... А это что? В самом дальнем углу?

Всеслава взяла документ и быстро, почти не понимая смысла написанного, прочла:

«...а чо касаема вешания моя незабвенная Королева то вся эта онанимка есть кляуза и поклеп! Вешать я велю только бунтавщиков строго и всегда по квоте. А когда Дуричи или Гниличи онанимно плачут что их повешето слишком то это все равно потамучто их много и никто не заметит... ..искрене твоих поданных верный тебе великий фюрер я Кувалда...»⁶

Королева довольно улыбнулась:

– Ямания, пиши!

– Да, ваше величество! – Канцелярская воевода сжала в руках авторучку и бросила на барона уничижительный взгляд.

– Принимая во внимание уникальные дипломатические способности барона Мечеслава и его умение вести переговоры с другими семьями, мы, в знак особой милости, назначаем повелителя домена Сокольники главным королевским министром по делам Красных Шапок!

– ...по делам Красных Шапок. – Ямания с трудом сдерживала рвущийся наружу смех. – Да, ваше величество!

Мечеслав побагровел.

– Всеслава! Ты не можешь!

– Барон, – официально произнесла королева, глядя в окно. – Мы надеемся, что вы приложите все свои таланты и поведете наших верноподданных дик... гм... наших верноподданных к новым свершениям. На вас смотрит весь Великий Дом, барон, и даже весь Тайный Город, так что не опозорьтесь. Благодарить не нужно. Патент заберете в канцелярии. А сейчас, прошу прощения, меня ждут важные дела.

– Всеслава!

– Ямания, подготовь официальное заявление для «Тиградком», – мстительно закончила королева. – Карьерные успехи нашего дорогого барона не должны остаться незамеченными.

* * *

*Москва, улица Юннатов,
25 сентября, понедельник, 12:40*

⁶ Орфография и пунктуация оригинала сохранены.

Как обычно, они встретились в уединенном месте, в тихом московском дворике, обитателям которого не было никакого дела до двух беседующих на лавочке мужчин. Хотя... возможно, зоркие бабушки или молодые мамы, скучающие с детьми у песочницы, и заинтересовались бы собеседниками, но морок, что навел Сантьяга, надежно укрыл его и Корнилова от посторонних взглядов. Ибо ни знаменитый полицейский, начальник отдела специальных расследований Московского управления, ни комиссар Темного Двора, военный лидер могущественной Нави, не желали афишировать свои отношения. Комиссар не хотел давать повод людям и чудам обвинять Темный Двор в интригах с человеческими властями, Корнилов же не мог себе представить, как объяснить начальству, что проводит встречи не с человеком, а представителем древней расы, более того – одним из высших магов этой самой расы, попросту говоря – с колдуном. Эти и некоторые другие резоны заставляли мужчин принимать меры предосторожности. К месту встречи они подъехали с противоположных направлений, машины оставили на разных улицах и заговорили только после того, как Сантьяга, традиционно обеспечивающий безопасность встреч, кивнул: все в порядке.

– Добрый день, – вежливо поприветствовал знакомого Корнилов.

– Добрый день, Андрей Кириллович, – не менее учтиво отозвался комиссар. – Как ваши жулики?

– Ловлю потихоньку.

– Приятно слышать.

Они не походили друг на друга. Невысокий майор, с безразличным выражением на лице, едва доставал длинному Сантьяге до плеча. Редкие, мышиного цвета волосы полицейского пребывали в беспорядке, в то время как комиссар мог похвалиться аккуратной прической – казалось, что брнет только что покинул парикмахерскую. Но самое главное – одежда. Слегка помятые брюки, джемпер и простенькая куртка Корнилова не в состоянии были соперничать с элегантно белым костюмом нава, с запонками, украшенными крупными черными бриллиантами, и галстуком ручной работы. Со стороны могло показаться, что на лавочке сидят барин и приказчик, однако уважение, с которым Сантьяга обращался к полицейскому, показывало, что это предположение не имеет под собой оснований.

– Были интересные дела в последнее время? – светским тоном осведомился нав.

– А у вас?

– Увы.

– Сочувствую.

– Спасибо. – Сантьяга обаятельно улыбнулся, и в его черных глазах вспыхнули веселые огоньки. – Мы давненько не встречались, Андрей Кириллович.

– Повода не было.

– Теперь появился?

– Вполне возможно, – серьезно кивнул полицейский.

– Кто-то опрометчиво нарушил режим секретности?

– Еще не знаю.

Главный закон Тайного Города требовал скрывать от господствующих на Земле факт его существования, ибо магия, которой обладали наследники древних рас, являла собой огромный соблазн, и кто знает, куда повернет история, если человеческим политикам откроется правда? Захотят ли нынешние властители планеты жить в мире со своими предшественниками, с теми, кто некогда правил Землей? С теми, кто способен вызывать ураганы, метать огненные молнии, мгновенно перемещаться на огромные расстояния, становиться невидимым и называет людей челами? Проверять коэффициент толерантности человечества жители Тайного Города не собирались, а потому тщательно следили за сокрытием нежелательных улик. Для постоянно возникающих непредвиденных обстоятельств существовала Служба утилиза-

ции,⁷ однако любой маг любого Великого Дома обязан следить за соблюдением режима секретности.

– Что случилось, Андрей Кириллович?

– Сегодня ночью в своей квартире был убит профессор Лужный.

– Я должен его знать? – Сантьяга слегка приподнял брови.

– Рудольф Васильевич был известным историком, – уточнил Корнилов. – Не академиком, но достаточно авторитетным в научных кругах.

– Кто его убил?

– Очень похоже на случайную гибель во время ограбления. Преступник вошел в квартиру, профессор попытался сопротивляться и получил пулю из собственного пистолета.

– Похоже на случайную гибель? – уточнил Сантьяга.

– Я полагаю, ограбление имитировано, – уверенно произнес полицейский. – Мне трудно поверить, что заурядные бандиты оказались настолько хорошо подготовлены, что сумели вырвать у профессора оружие и застрелить его. В конце концов, Лужный был офицером, когда то служил в действующей армии и умел стрелять.

Комиссар прищурился:

– Грабители могли найти пистолет, когда обыскивали квартиру.

– Но зачем в этом случае убивать профессора? – Корнилов покачал головой. – Нет, Лужного хотели убить и убили. Именно это было целью.

– Допустим, не грабители, – пожал плечами Сантьяга. – Вы не думаете, что подсуетились нетерпеливые наследники, которым надоело ждать, когда дедушка покинет мир? Насколько я знаю, недвижимость сейчас в цене.

– Мы отрабатываем все версии, – улыбнулся майор, – но я хочу попросить вас, если найдете время, конечно, осмотреть место происшествия.

Их знакомство началось с дела Вестника – маньяка, наводившего ужас на москвичей несколько лет назад. С тех пор Корнилову и комиссару доводилось сотрудничать еще несколько раз, однако все те расследования были по-настоящему сложными, когда друг без друга было не обойтись. И еще ни разу полицейский не просил Сантьягу выступить рядовым экспертом в заурядном убийстве.

– Почему вы заинтересовались этим преступлением? – спросил нав, внимательно глядя на майора.

– Со времени нашего знакомства я отношу происшествия с учеными некоторых специальностей в разряд «пограничных», – честно признался Корнилов. – Археологи, историки... Я верю в пылкий человеческий ум, понимаю, что некоторые из наших умников, или одаренные, или удачливые, способны напасть на след Тайного Города.

– Такое случилось, – согласился Сантьяга.

– А зная ваше трепетное отношение к режиму секретности...

– Нет, – твердо произнес комиссар. – С учеными мы всегда договаривались. Практически никто из них не отказался от предложения поработать в наших библиотеках.

– Но попадались упрямы?

– Попадались, – признал Сантьяга. – В этом случае мы стирали их в порошок с помощью подкупленных научных оппонентов и отлично сфальсифицированных доказательств. Этот способ очень надежен.

– Надежен?

– Смерть порождает подозрения, а осмеянная теория становится безопасной навсегда. – Комиссар развел руками: – Поверьте, Андрей Кириллович, Служба утилизации умеет рабо-

⁷ Служба утилизации напоминает добропорядочным жителям Тайного Города, что звонок на ее «горячую линию» бесплатный из любой точки земного шара. Кроме того, информацию можно оставлять на сайте www.t-grad.com.

тать, а уж на проблеме ваших ученых, всех этих исследователей и подвижников, она собаку съела. Нам нет нужды их убивать.

– Все когда-нибудь случается в первый раз.

– Вы до сих пор мне не доверяете, – грустно улыбнулся нав.

– Я полицейский, – спокойно ответил Корнилов. – Никому не верить – моя прямая обязанность. Я должен все проверять и перепроверять. – Майор понял, что ответ прозвучал чересчур жестко, и решил смягчить высказывание: – Но я догадываюсь, что лично вы и ваш Великий Дом не имеете отношения к смерти профессора.

– Спасибо и на этом, – с иронией отозвался Сантьяга.

– Не за что.

– И еще. – Комиссар поднял указательный палец. – Надеюсь, вы по-прежнему верите, что мы не убиваем челов просто так, ради развлечения. Если к убийству Лужного причастен житель Тайного Города, значит, речь идет о преступлении.

– Виновные в побоище в Битцевском парке до сих пор не найдены, – напомнил майор.

– Я не всемогущ, – кротко ответил нав.

Корнилов понимающе улыбнулся. Сантьяга вздохнул.

– Хорошо, Андрей Кириллович, обещаю лично проверить квартиру профессора Лужного и выяснить, не причастен ли к его убийству кто-то из жителей Тайного Города.

Глава 2

Берег Волги, где-то между Ульяновском и Саратовом, за две недели до описываемых событий

Они разбили лагерь на дне небольшого, густо заросшего кустарником оврага, на маленьком пятачке, который пришлось расширить с помощью топориков, потому что иначе на нем бы не поместились две палатки. Странный выбор, учитывая, что родник с питьевой водой находился в полумиле к северу, а по ночам овраг затягивал промозглый туман. Странный, но вполне объяснимый, если предположить, что владельцы палаток не желали лишний раз привлекать к себе внимание.

А сделать такое предположение было нетрудно, ибо на обычных туристов владельцы палаток не очень-то походили.

– Мурза, сколько еще мы будем здесь копать?

Мужчина, к которому был обращен вопрос, поднял голову от миски с кашей, облизал ложку и спокойно ответил:

– До тех пор, пока не выкопаем.

Он был единственным, кто вышел к ужину в чистой одежде, но произошло это отнюдь не потому, что Сергей не работал, – просто остальные предпочитали переодеться непосредственно перед сном, а до тех пор щеголяли в перепачканных землей комбинезонах. К тому же он, опять же – единственный, был гладко выбрит и аккуратно причесан.

– Леший прав, – поддержал приятеля Глыба. – Мы уже пять дней здесь пасемся, а толку нет.

Две ржавые, не подлежащие восстановлению «трехлинейки» едва ли не Гражданской войны да несколько патронов к ним – вот и весь улов. Совсем не то, на что рассчитывали копатели. От энтузиазма, с которым мужчины ехали на Волгу, не осталось и следа. Но если Сахар и Мурза оставались спокойны, то Глыба с Лешим, ожидавшие, что экспедиция даст быстрый результат, уже второй день пребывали в угрюмом настроении.

– Что, если карта врет?

– Карта не врет, – коротко ответил Мурза и вернулся к каше, давая приятелям понять, что тема закрыта.

– Лужный мог ошибиться, – не отставал Леший.

– Карта подлинная, – вступил в разговор Сахар. – Три историка не могут ошибиться.

– Тогда где этот хренов клад?

– Найдем.

– Когда?

– Устал? – осведомился Мурза.

– Надоело «трехлинейки» выкапывать. – Леший зло сплюнул. – И не факт, что здесь есть что-нибудь еще!

Первый звонок. До сих пор Леший предпочитал копить неудовольствие в себе, теперь же вынес его на всеобщее обсуждение. Имеет право.

Сергей безмятежно прожевал очередную ложку каши, потянулся, взял металлическую кружку с чаем, сделал глоток и напомнил:

– Промежуточные результаты мы всегда подводим через неделю.

Несколько лет назад, когда команда только формировалась, Сахар и Мурза объяснили друзьям, что археологическая экспедиция – это не поход в магазин и делать выводы после двух-трех дней работы глупо. Договорились на неделю. Но эта поездка стояла особняком.

Слишком уж легкой она показалась. Подробная карта с указанием местонахождения клада расслабила ребят, Глыба и Леший решили, что дело займет пару суток, и теперь злились.

– Такие результаты стыдно подводить.

– Неделя еще не прошла.

– Но...

– Тихо! – Глыба предостерегающе поднял руку. – У нас гости.

Мужчины замерли.

– Сколько? – прошептал Мурза.

– Один, – ответил Леший.

В свое время они с Глыбой служили в разведке ВДВ, где и научились читать шорохи леса.

– Нормально, – едва слышно произнес Сергей.

Один – это немного. Но существовала вероятность, что приятели приближающегося незнакомца где-то рядом, поэтому Леший метнулся к своей палатке, вытащил лежащую у самого входа кобуру с пистолетом и мягким движением ушел в кусты. Глыба положил под левую руку нож. Сахар тяжело вздохнул. Мурза с сожалением посмотрел на недоеденную кашу – опять придется разогревать, – облизал ложку и прищурился на вышедшего к палаткам парня.

– Добрый вечер.

– Д-добрый вечер. – Пришелец огляделся. – Можно погреться?

– Присаживайся, – кивнул Сергей и бросил взгляд на Глыбу. Тот едва заметно мотнул головой: других гостей не слышно.

– Спасибо.

Парень уселся прямо на землю и уставился на огонь. Все правильно – дает возможность себя разглядеть.

Лет двадцати, хлипкий, тощий, узкоплечий. Свитер, куртка, джинсы, ботинки, на плече болтался небольшой рюкзак, теперь лежит рядом – в таком виде парень легко затеряется в городе, а вот для длительного похода экипировка не самая лучшая. Значит, не конкурент, не парламентар от другой команды копателей.

«Опасности нет?»

Мурза опять посмотрел на Глыбу. Тот кивнул и громко поинтересовался:

– Леший, ты погадил, что ли? К нам тут гости пожаловали.

При звуках голоса парень вздрогнул и крепко сжал в кулаке выполненный в форме человеческого уха брелок, который до сих пор нервно вертел в руке.

Леший выбрался из кустов и сварливо спросил:

– Ну и что, что гость? Это повод меня с толчка срывать?

Пистолет он спрятал под куртку.

Парень сглотнул, подумал и произнес:

– Меня Витей зовут.

– Очень приятно, Витя, – вежливо отозвался Сергей. – Чаю попьешь?

– Если угостите.

Сахар взялся за чайник, а Мурза продолжил допрос:

– Запутал?

– Э-э... немного.

– Куда шел?

– По берегу гулял.

– До ближайшей деревни миль восемь будет.

– Так я этот... тоже турист, – парень попытался изобразить улыбку.

Сергей поддержал почин, ответил дружелюбной ухмылкой, однако тон сохранил прежний, прохладный:

– Врешь.

Парень потянулся за чаем, обжегся о металлическую ручку, втянул руку в рукав свитера и снова принял кружку.

– Спасибо. – Обвинение во лжи он проигнорировал.

– На здоровье.

Отхлебнул чай.

– Что ты здесь делаешь, Витя? – еще более холодно спросил Мурза.

– Это вы ямы выкопали? – вместо ответа осведомился гость. – К западу отсюда.

Вопрос был задан невинным тоном. Слишком невинным. Виктор оказался никудышным актером. Или же он хотел сразу указать копателям на цель своего визита. Не ходить вокруг да около.

Сахар потер подбородок. Леший и Глыба наградили гостя тяжелыми взглядами. Сергей же снова улыбнулся:

– Почему спрашиваешь?

– Клад Стеньки Разина ищите? – в лоб поинтересовался Виктор.

– С чего взял?

– Его все ищут, – пожал плечами парень.

– И ты?

– И я.

– Нам конкуренты ни к чему, – с угрозой произнес Леший. – Смекаешь?

Гость заметно вздрогнул и на мгновение втянул голову в плечи, словно ожидая удара.

Мурза чуть приподнял брови:

– Боишься?

– Очень, – признался Виктор.

– Правильно, – усмехнулся Леший.

– Да какой он конкурент? – презрительно бросил Глыба. – У него даже лопаты нет, не говоря уж о металлоискателе.

– Ты нас не бойся, – мирно произнес Мурза. И вновь обратил внимание на стиснутый в кулаке парня брелок. – Ты ведь сам к нам пришел, значит... – И резанул: – Дело какое есть?

– Только врать больше не надо, – жестко добавил Глыба.

– Он не будет. – Сергей испытующе посмотрел на Виктора. – Ты ведь не будешь?

– Я сам пришел, – запинаясь, отозвался парень.

– Зачем?

– Как ты собрался искать клад без металлоискателя?

Виктор немного успокоился. Он сделал еще один глоток чая, поставил кружку на землю и, глядя прямо в глаза Мурзе, твердо произнес:

– Металлоискатель не нужен. Разин свой главный клад не просто закопал, он его зачаровал.

– Псих! – мгновенно среагировал Леший.

Сахар крякнул. Глыба ухмыльнулся. Сергей вздохнул и участливо осведомился:

– На учете в ПНД состоишь?

За несколько лет в экспедициях копателям доводилось видеть таких чудиков: молодых и давно уже не молодых энтузиастов, крепко двинутых на том или ином кладе. Некоторые из них предлагали самые экзотические способы нахождения сокровищ, почерпнутые из брошюр типа «Десять самых главных тайн вселенной» и конспектов Блаватской. Но гость не производил впечатления чокнутого: не захлебывался, не напирал, говорил нормальным, обыденным тоном, да и фанатичного блеска в глазах не наблюдалось.

– Я клад хочу найти, – спокойно ответил Виктор. – И знаю, как. А когда найдем – вернемся к вопросу о моем безумии.

Невозмутимый тон давался ему нелегко, парень нервничал, но сдерживался. Лишь тис-кал брелок в форме уха.

– Хрень какая! – высказался Леший.

– Ты свои истории другим впаривай, – предложил Глыба.

Однако два других копателя отнеслись к словам гостя серьезнее.

– Разина действительно считали чернокнижником, – медленно проговорил Сахар. – Но это легенды.

– Почему вы так решили?

– Разве я ошибаюсь?

Виктор внимательно посмотрел на Сергея, на Сахара, скользнул взглядом по Глыбе с Лешим и спросил:

– Вы позволите мне показать небольшой фокус?

– Нет! – немедленно отозвался Глыба.

– Я сам к вам пришел, – повторил парень. – Пришел, потому что без вашей помощи мне клад не добыть. Так позвольте мне, черт побери, убедить вас в том, что я не псих.

Копатели переглянулись.

– Я не против, – кивнул Сахар.

– Я тоже, – поддержал друга Мурза.

– Только без глупостей, – буркнул Леший.

– Без глупостей не получится, – вздохнул парень.

– А ты попробуй. – Леший достал пистолет, снял его с предохранителя и навел на Виктора. – Очень тебя прошу.

– Опусть ствол, – попросил Сергей. – Не убирай, но опусти.

Леший подумал и подчинился.

– Сейчас я достану из рюкзака нож, – предупредил парень.

– Доставай.

Внешне клинок казался обычным охотничьим ножом: широкий, довольно длинный, с чуть изогнутым лезвием и костяной рукоятью. Однако когда Виктор вытащил его из кожаных ножен, Мурза обратил внимание на исходящее от стали едва заметное голубоватое сияние.

Леший опять направил пистолет на гостя, однако мера предосторожности оказалась напрасной: нападать парень не собирался. Продемонстрировав копателям нож, Виктор взял в левую руку металлическую кружку, выплеснул из нее остатки чая, после чего медленно, но без явных усилий, разрезал ее напополам.

– Ух! – шумно выдохнул Глыба.

Но не сразу выдохнул, секунд через двадцать после «фокуса», а до тех пор копатели лишь хлопали глазами, глядя то на половинки кружки, то на нож, то на Виктора.

– Чтоб я сдох!

Сахар сглотнул и посмотрел на Мурзу. Сергей потер лоб, кашлянул и протянул руку:

– Дай посмотреть.

– Пожалуйста. – Парень подал нож рукоятью вперед.

Мурза взвесил в руке оружие, внимательно оглядел лезвие – сияние действительно присутствовало, а вот зазубрин не наблюдалось, после чего взял половинку кружки и разрезал ее на две части. Клинок играючи прошел сквозь металл.

– Черт бы меня побрал! – Леший вернул пистолет в кобуру и потребовал: – Дай мне!

– Бери. – Сергей отдал нож другу и перевел взгляд на Виктора: – Считай, что ты сумел нас удивить.

– Извините за кружку.

– Ерунда, купим новую.

– Вот дерьмо! – Леший, успевший нашинковать остатки кружки в металлическую вермишель, ошарашенно тараясь на клинок. – Как сквозь масло!

Виктор откровенно наслаждался произведенным эффектом.

– Полагаю, я должен объясниться?

– Будем признательны.

Глыба добрался до необыкновенного оружия, строганул металлический штырь и теперь пристально изучал стружку:

– Как дерево строгают, блин!

– Нож мне от бабки достался, – начал рассказ Виктор. – Ее колдуньей считали... Я, конечно, не верил, но когда нашел нож, пожалел, что редко к ней ездил. Может, научился бы чему...

– То есть ты не колдун?

– Я знаю заклинания.

– Какие?

Отвечать на этот вопрос парень не торопился, перевел взгляд на Сахара:

– Вы правы: сам Стенька Разин чернокнижником не был, это люди придумали. А вот одна из его помощниц, Алена Арзамасская, – была. Она много чего рассказала атаману, в том числе, как я полагаю, научила его зачаровывать клады. Вы можете хоть всю жизнь копать, но сокровища Стенькины не возьмете. Не дастся вам клад.

– А тебе?

– Я знаю, как снять чары, – спокойно ответил Виктор.

– Тогда почему не снял? – подозрительно осведомился Глыба.

– Потому, что дело это кровавое, и люди мне нужны вроде вас – жестокие.

Сахар вздрогнул. А Мурза... Мурза вдруг осознал, кем его считают, и...

«Да, похоже, я именно такой».

– Разин был душегубом, – продолжил парень. – Если бы история о персидской княжне была правдой, то на фоне других зверств ее можно было бы назвать маленькой шалостью. Крови он не боялся, лил ее, как воду.

– Знакомые сказки, – неуверенно пробормотал Сахар. – Убей человека, и клад тебе дасться. Или прочитай молитву...

– В древних верованиях все сильно упрощено, – улыбнулся гость. – На самом деле для извлечения зачарованного на крови клада недостаточно просто принести жертву. Необходимы заклинания.

– Сколько нужно грохнуть? – уточнил поигрывающий необыкновенным ножом Глыба.

– Четверых.

Копатели переглянулись.

«Четыре трупа?»

Одно дело драться с конкурентами, защищая свою жизнь и зная, что они не пощадят, и совсем другое – хладнокровно убить тех, кто не собирался причинять тебе вред.

– Как видите, одному мне никак не справиться. – Парень помолчал. – Я вокруг этого клада давно хожу, все ждал, когда за ним люди вроде вас приедут.

– Жестокие, – хмуро уточнил Леший.

– Ага, – подтвердил Виктор. – А клад, как вы знаете, здесь богатый лежит. Его Степан последним зарыл. Всю казну сгреб, чтобы в следующем году было на что людей нанимать, а его зимой царю выдали.

– О кладе мы все знаем, – с кислой улыбкой отозвался Мурза. – Какую долю хочешь?

– Вы решились? – У парня вспыхнули глаза.

Сахар удивленно посмотрел на Сергея. Глыба, задумчиво разрезающий банку из-под консервов, усмехнулся. Леший прищурился.

– Сначала мы хотим узнать твои условия.
– Долю хочу равную, – твердо заявил Виктор. – И еще одну вещь по моему выбору. В премию.

– Не много?

– Учитывая, что без меня вам клад не взять, – в самый раз.

– Не боишься, что обманем?

– А зачем? – Парень, чувствуя, что его предложение будет принято, весело рассмеялся: – Зачарованных кладов много. И сокровища Разина могут стать началом длительного взаимовыгодного сотрудничества. Мне лихие люди нужны, а вам мои знания. Мы договоримся.

Он окончательно успокоился.

Виктору определили спать у костра. Дали «пенку», пару одеял – лишнего спальника, разумеется, не нашлось, – накормили и напоили горячим чаем, в который Сахар, исполнявший в команде роль врача, незаметно бросил пару таблеток снотворного. А когда парень заснул, копатели собрались на совет.

– Нож – самодел, – начал Глыба. – Клейма нет, да и видно, что его ковали вручную. Так что парень, скорее всего, не врет.

– А как он железо режет?

– Как бумагу.

– Я имел в виду: почему он железо режет? – поправился Сергей.

Глыба пожал могучими плечами:

– Понятия не имею.

– Потому что очень острый... – задумчиво протянул Леший.

– Мне предложение заморыша не нравится, – решительно произнес Сахар. – Не хочу убивать.

– В первый раз, что ли? – хмыкнул Глыба.

– Мы всегда защищались!

– Ой ли?

Сахар, припомнивший одну из драк за перспективный район раскопок, смутился, но продолжил настаивать на своем:

– Мотать надо отсюда.

– За бомжами? – уточнил Глыба.

– Черт тебя побери! – Сахар ударил кулаком по земле. – За какими еще бомжами?

– Нам четыре трупа нужно, – напомнил Глыба. – А бродяги – идеальный вариант. Исчезнут, никто и не почешется.

Сахар хлопнул глазами и посмотрел на Мурзу:

– Ты чего молчишь?

– Это самый богатый клад Стеньки Разина, – тихо произнес Сергей. – Есть вероятность, что мы станем миллионерами.

И им больше не придется таскаться по лесам в поисках сувениров Великой Отечественной. Шанс навсегда изменить свою жизнь. Свои жизни... Большая ставка предполагает большой риск, это мужчины понимали. И еще они знали, что убивать им приходилось и за меньшее.

– Леший?

– Золото стоит крови, – твердо произнес тот. – Я подписываюсь.

– Глыба?

– А разве не ясно?

Сергей посмотрел на четвертого копателя:

– Три против одного.

– Мы не убийцы, – едва слышно ответил Сахар. – Ребята, вы что? Мы ведь не убийцы!

– Мы просто искали клад, дружище, – с плохой улыбкой ответил Мурза. – А он оказался зачарованным.

* * *

*Московская обитель, штаб-квартира семьи Эрли
Москва, Царицынский парк, 25 сентября, понедельник, 13:14*

Несмотря на беспокойную жизнь, обусловленную накопившимися за тысячи лет разногласиями между Великими Домами, а также наличием столь непредсказуемых соседей, как челы, в Тайном Городе существовали договоренности, которые неукоснительно соблюдались при любых обстоятельствах. Совместная охрана зоны Кадаф, совместный контроль над «Тиградком», магическая защита хранилищ человеческого Центробанка... И в том числе – нейтральный статус Московской обители.

Хотя эрлийцы являлись вассальной семьей Темного Двора, они были обязаны оказывать помощь любому жителю Тайного Города,⁸ за что Великие Дома гарантировали им полную безопасность. Нейтралитет распространялся и на пациентов, а потому бывало так, что в соседних палатах лежали воины, нанешие друг другу раны в бою или на дуэли. Лечились, даже не думая о том, чтобы продолжить драку. Встречались в коридорах, цедили сухие приветствия (или не цедили), но даже пальцем друг друга не трогали.

Нейтралитет.

Великие Дома надежно ограждали лучших в мире врачей от лишних хлопот.

В результате эрлийцы чувствовали себя едва ли не самыми защищенными жителями Тайного Города, вели себя вольно и независимо (некоторые употребляли термин «нахально»), а уж с дикарями и вовсе не церемонились.

– Мы что, наняли новую охрану? – Брат Ляпсус, час назад заступивший на суточное дежурство, выглянул в окно и без восторга оглядел десятку Красных Шапок, мотоциклы которых заполнили парковку перед главными воротами.

– Может, они стесняются войти? – предположил брат Курвус, откусывая изрядный кусок бутерброда с паштетом. – Печеночный, с чесночком, старинный рецепт людов. – Курвус блаженно закатил глаза. – Не желаешь?

– А когда умер тот дружинник, которого привезли с лихорадкой? – осведомился Ляпсус, с подозрением глядя на паштет.

Курвус поперхнулся:

– Умеешь ты аппетит испортить.

Врач довольно улынулся:

– Раз уж ты закончил с завтраком, Курвус, сходи и поинтересуйся у придурков, почему они загрязняют паркинг? В конце концов, мы дежурная смена, и случись чего, отец Динамус нам диманусы протрет до самых гланд.

– А что может случиться?

– Ну-у... – Ляпсус поправил подпоясывающую рясу веревочку. – Вдруг они асфальт чем-нибудь испачкают?

⁸ Полный перечень предлагаемых услуг, а также их стоимость можно найти на сайте Московской обители. Вход через www.t-grad.com. К оплате принимаются наличные, кредитные карты, драгоценные металлы и камни, а также ювелирные изделия. Работает оценщик. Расписки и долговые обязательства должны быть заверены нотариусом и обеспечены соответствующим залогом.

Курвус поморщился, но упоминание настоятеля обители сделало свое дело – толстяк понял, что идти придется. Однако решил выдвинуть последний аргумент:

– Там ведь дождь!

– Прогулки под которым доктора особенно рекомендуют ранней осенью, когда целебные свойства дождевой воды усиливаются. – Ляпсус плюхнулся в кресло и раскрыл мужской журнал. – Давай, Курвус, действуй, а я пока освежу в памяти детали анатомического строения человеческих самок.

– Береги руки.

– Если там ножевая рана или огнестрел, требуй предварительную оплату, – рассеянно закончил инструктаж врач. – Впрочем, ты и сам все знаешь.

Толстяк просипел себе под нос невнятное ругательство, бросил охаянный бутерброд в мусорную корзину и направился к двери.

– Что ты там забыл? – недовольно спросила Блямба.

– Копыто жду, – хвастливо ответил подруге Шкура. – Копыто к эрлийцам Кувалду привезет лечиться, я его шлепну и стану великим фюрером, на хрен. Поняла, кобыла?

Идея Дурича так захватила Шкуру, что уйбуй лично возглавил экспедицию в Царицыно, не доверив столь важное дело простым бойцам.

– Бульжник посоветовал? – осведомилась Блямба.

– Не посоветовал, – возмутился Гнилич. – Он сам хотел, а я успел раньше, на хрен.

– Бульжник тебя, идиота, из Форга вытурил, а сам кувалдинский кабинет занял. И все теперь думают, что он станет фюрером.

– Ерунда, – презрительно бросил Шкура. – Кто подвиг совершит, тот и победитель, на хрен!

– Какой подвиг? Болтаешься у эрлийцев, как дурак, а здесь...

– И вобще мне некогда, на хрен, у меня дела. – Уйбуй сложил телефон и настороженно уставился на подошедшего к Красным Шапкам эрлийца. – Чего?

– Я тебе сейчас покажу «чего»! – окрысился Курвус и воинственно тряхнул зонтиком, под которым укрывался от едва морозящего дождя. – У кого сифилис?

Дикари переглянулись, и Шкура неуверенно ответил:

– Ни у кого.

– Уже, – пискнул боец Крыша.

– Тогда чего вы здесь делаете, придурки?

Поскольку уйбуй к допросу не готовился и не знал, что отвечать, он решил сознаться:

– Копыто ждем, на хрен.

– Зачем?

– А вдруг он сюда лечиться приедет? – снова вклинился в разговор Крыша.

– Да не лечиться, а Кувалду лечить, дубина! – буркнул Шкура.

– У Кувалды сифилис?

– Не знаю.

– Вполне может быть, – вновь встрял боец. – Этот дурень вечно связывается со всякими шалавами.

– Вы его подстрелили, что ли? – сообразил Курвус. – Добрались-таки до любимого фюрера?

– Не совсем. – Шкура хлопнул носом. – Мы, на хрен, Совет делали по обороне, а Кувалда сначала бледный явился, а потом вобще упал и не дышит. Мы посмотреть хотели, ну, тама, за шею пощупать и вобще, но Копыто его утащить успел, потому что у него дробовик нашелся, на хрен.

– А у вас?

– А у нас еще на входе отобрали.

– Предусмотрительно... – Курвус пожевал губами, вспомнил характеристику, выданную Ляпсусом бутерброду, скривился и строго спросил: – И что ты будешь делать, если Копыто сюда притащится?

– Мочканем придурка, что же еще? – При мысли о предстоящем подвиге к Шкуре вернулась самоуверенность. – Да ты не волнуйся, мы только его мочканем, на хрен, так что ты в безопасности. И всем своим передай, чтобы спали спокойно.

– День на дворе, – напомнил Курвус. – Кто сейчас спит?

– Ну, пусть спокойно делают, что они там делают. – Шкура почесал живот. – Я, на хрен, слово сказал.

– И сколько стоит твое слово? – осведомился эрлиец.

– Не понял?

– А чего тут непонятного? – Курвус решил сполна отыграться на попавшем под горячую руку дикаре. – Ты хочешь Кувалду убить, так?

– Так.

– А он лечиться едет, так?

– Так.

– Получается, ты хочешь лишить Московскую обитель законной прибыли. Вынимаешь кусок хлеба из нашего рта.

– У вас вынешь, на хрен... – пробормотал Шкура.

– Короче, если хочешь и дальше здесь стоять, то позвони в нашу бухгалтерию, они тебе скажут, сколько это будет стоить, понял?

– А...

– Или плати, или убирайся!

Довольный собой Курвус развернулся и зашагал к обители.

– Все, мля, опоздали. – Копыто, наблюдавший за ходом переговоров из кустов, отвернулся и хмуро посмотрел на бойцов: – Говорил же, мля, что надо сразу сюда ехать! А вы: «может, он сам очнется!», «может, он сам очнется!». Что теперь делать будем, а?

Иголка и Контейнер потупились. И они, и уйбуй прекрасно понимали, что эрлийцам придется платить, а поскольку денег дикарям было жалко, они решили в обитель не торопиться. И теперь расплачивались за скупость: Кувалда по-прежнему без сознания, дорога в обитель перекрыта.

– Давай «Дырку жизни» купим? – осторожно предложил Иголка. – Сразу в приемную прыгнем.

Артефакт, открывающий портал в обитель, носил при себе любой предусмотрительный воин Тайного Города. Красные Шапки подобным качеством не страдали, поэтому ни у Копыта, ни у его бойцов «Дырки жизни» не было, но ради фюрера они могли бы...

– Не получится, – вздохнул уйбуй.

– Почему?

– Если эрлийцы Шкуру не выгнали, значит, они с ним договорились. Понятно, мля?

Бойцы, замороженные сложностью копытовских умозаключений, покачали головами.

– Теперь эрлийцы Кувалду лечить не станут, а если мы приедем, они нас сдадут. – Копыто вытер мокрое от дождя лицо. – Уйбуи наверняка денег дали, чтобы Кувалда сам помер.

– Так, может, и черт с ним? – неуверенно промямлил Иголка. – Нам-то какая радость впрягаться?

– Я тебе покажу радость! – Копыто продемонстрировал бойцу кулак. – Поехали куда-нибудь, подумаем, что дальше делать.

* * *

*Муниципальный жилой дом
Москва, улица Крылатские Холмы,
25 сентября, понедельник, 14:21*

«Лужный Рудольф Васильевич, полковник, профессор исторических наук, заведующий кафедрой...»

«Не то! – Сантьяга пропустил пару абзацев. – Ага, вот!»

«Исследования профессора Лужного ни разу не вызывали интереса у Великих Домов. Все его работы были посвящены человеческой проблематике...»

Справку подготовили знаменитые «ласвегасы», способные рассчитать ситуацию не хуже Дегунинского оракула. Нав Доминга и шас Тамир Кумар славились тем, что практически никогда не ошибались – иначе они вряд ли стали бы личными аналитиками комиссара Темного Двора, – а уж собрать информацию на заурядного чела было для них ерундовой задачей. Тамир даже обиделся, услышав поручение Сантьяги.

«Мы думали, у вас серьезное дело...»

И прислал справку на коммуникатор комиссара всего через четверть часа, ехидно озаглавив письмо: «Плоды труднейшей работы».

Поскольку «плодам» Сантьяга доверял на сто процентов, по всему выходило, что Корнилов ошибся: Тайный Город не имеет отношения к смерти Лужного. Вероятность того, что профессор докопался до секрета, который мог стоить ему жизни, минимальна, следовательно, убийцу нужно искать в окружении Рудольфа Васильевича или среди человеческих бандитов.

Однако Сантьяга уважал Корнилова и собирался исполнить данное полицейскому обещание: раз сказал, что лично побывает в квартире Лужного, значит, так оно и будет.

Комиссар вышел из машины, не забыв набросить на нее рассеивающее внимание заклинание – теперь роскошный «Ягуар XJ220» интересовал прохожих не больше, чем какая-нибудь «Газель», и направился к нужному подъезду.

«Надеюсь, все это не напрасно...»

Сантьяга не любил попусту тратить время.

Сканирование показало, что квартира профессора пуста. Комиссар окутал лестничную клетку мороком, после чего сформировал портал и прошел сквозь металлическую дверь – возиться с отмычками Сантьяге не нравилось.

– Ну и что у нас есть?

На вешалке серый плащ, над ним, на полке, серая шляпа, в углу черный зонтик, рядом черные ботинки. Судя по всему, вольностей в одежде Лужный не допускал. Военный, что поде-лаешь...

Нав сдул несуществующую пылинку с рукава белого пиджака, рассеянно потер пальцем косяк входной двери – магический фон в этом месте давал странную, едва различимую пульсацию, после чего прошел на кухню.

В голове всплыла фраза из переданной Корниловым копии полицейского отчета: «...две кружки, заварной чайник, сахар, недоеденный бутерброд на тарелке...»

Две кружки.

– У вас был гость, Рудольф Васильевич, – пробормотал Сантьяга, пытаясь поймать остатки ауры. – Чел.

Корнилов не сомневался, что к Лужному кто-то приходил. Убийца? Вполне возможно, но топиться с выводами не следует. Когда ссора возникает во время ужина, орудием убийства

чаще всего становится нож. Или жертву забивают до смерти. К тому же на кухне отсутствовали следы борьбы.

– Даже если вы поссорились в комнате: кто и зачем достал из сейфа пистолет? – Нав дотронулся указательным пальцем до кончика носа. – Рудольф Васильевич, а давайте пока предположим, что таинственный гость вас не убивал? Как вам такая версия?

Кину просто не повезло. Хван хорошо почистил следы, не оставив ни одного доказательства своего пребывания в квартире Лужного, однако он и в страшном сне не мог представить, что исследовать место преступления будет один из лучших магов Тайного Города.

– Здесь был кто-то еще, Рудольф Васильевич, ведь так?

Любой разумный оставляет после себя следы ауры – уникальный отпечаток, в котором смешиваются обрывки эмоций и фраз, особенности дыхания и эхо голоса. Стереть их полностью невозможно, да и не нужно – опознать по ауре нельзя, слишком уж она тонка. И эфемерна: приди Сантьяга в квартиру на день позже, он бы вряд ли различил присутствие третьего. Сейчас же... Сейчас же нав работал на пределе своих способностей, буквально выцарапывая из стен... нет, даже не ответы – намеки на них. Ответов Кин не оставил.

– И ваш второй гость очень хорошо прибрался.

Если о первом посетителе можно было сказать только то, что он чел, то намеки, оставленные вторым, позволяли сделать вывод о том, что он маг.

– А ведь Корнилов оказался прав, – хмыкнул комиссар. – Второй гость пришел из Тайного Города.

Сантьяга вернулся в прихожую и снова потер косяк. Следов не осталось, но зачем следы, если есть весомые подозрения и опыт позволяет нарисовать правдоподобную картину?

– Здесь стоял сигнальный артефакт, по всей видимости, ждали гостя. Когда же он появился, в дом Лужного отправился исполнитель.

Но почему убили только профессора? Да еще из его собственного оружия?

– Очень любопытно...

Комиссар прошел в гостиную, которая одновременно служила Лужному кабинетом, и просмотрел книжные полки, затем – бумаги на столе и в ящиках. Раскрыл пару папок, пролистал пару книг. Первая Мировая, Гражданская и Вторая Мировая... Профессора интересовали вполне конкретные исторические периоды. В отдельном ящике обнаружили наработки по восстанию Степана Разина. Немного в стороне от основных направлений исследования, однако тоже вполне невинно: человеческие войны, человеческие бунты.

– Но ведь за что-то же вас убили, Рудольф Васильевич. Что вы могли узнать такого, что стоило вам жизни?

Осмотр второй и последней комнаты дал еще меньше, чем обыск в кабинете. Рабочие бумаги Лужный в спальне не хранил, так что весь улов – содержимое прикроватной тумбочки (лекарства, документы) и шкафа (одежда).

Никаких зацепок.

Сантьяга вернулся в кабинет, уселся в кресло и задумался.

Что мог узнать профессор? Случайным образом, благодаря какому-нибудь сбою в работе Службы утилизации, получить доказательства существования Тайного Города? Не похоже. Не похоже хотя бы потому, что о подобном проколе узнали бы все Великие Дома.

«А если дело слишком деликатное? Вдруг люды или чуды решили все скрыть?»

Тоже не получается. Если высшие маги Ордена или Зеленого Дома в курсе происходящего, они сумели бы разобраться с профессором без лишнего шума. Старику устроили бы сердечный приступ или несчастный случай, но уж никак не нападение грабителя. Выходит, вероятность того, что убийство санкционировано руководством чудов или людов, минимальна, а посему нужно поразмыслить над вторым вариантом: частная инициатива.

Предположим, профессор ухитрился повздорить с кем-то из магов Тайного Города...

– Не повздорить, – поправил себя нав. – И не только профессор.

Если на двери действительно висел сигнальный артефакт, убить планировалось обоим: и Лужного, и его гостя. Речь идет о группе лиц, и, вполне возможно, дело заключается не в ссоре, а в шантаже или переплетении интересов.

– Стоп! – Сантьяга хлопнул себя по лбу. – Ну, конечно же! Надо было сразу об этом подумать!

Убийство было спланировано, убийца ждал профессорского гостя и отправился на квартиру, как только тот появился. Так почему нельзя предположить, что дело не в заказчике, а в исполнителе? Что заказал устранение Лужного обычный чел, а вот нанять он ухитрился кого-то из жителей Тайного Города, решившего подработать на стороне.

Похоже на правду? В любом случае, это ниточка.

Сантьяга извлек из кармана пиджака телефон и набрал номер:

– Ортега?

– Да, комиссар, – вздохнул помощник.

– Вам скучно?

– Мне нормально.

– Полагаю, вы бездельничаете.

– Я нахожусь в гармонии с самим собой. Я размышляю о вечном.

– Не берите пример с князя, Ортега, это не приведет вас ни к чему хорошему.

– Он тоже находится в гармонии с самим собой?

– Он тоже размышляет о вечном.

– Я его понимаю.

Комиссар хмыкнул и перешел на деловой тон:

– Ортега, сегодня ночью убили профессора Лужного, Рудольфа Васильевича. Его адрес и анкетные данные есть у «ласвегасов». Ваша задача – проверить наемников Тайного Города, специализирующихся на заказных убийствах, и выяснить, не получал ли кто-нибудь из них заказ на устранение этого чела.

– Что делать, когда я его найду?

Ортега не сказал: «если», он сказал: «когда», помощник комиссара в себе не сомневался.

– Вы вежливо пригласите его ко мне в гости, – ответил Сантьяга. – Меня интересует заказчик, а не исполнитель.

– Понял, – буркнул Ортега. – Прикажете действовать немедленно?

«Подчиненные совсем разболтались, – меланхолично подумал Сантьяга. – Что делать – зимняя спячка».

– Приказываю найти его еще вчера.

– В таком случае результат будет завтра.

Комиссар улыбнулся и убрал телефон. Он знал, что Ортега сумеет прошерстить всех, и, если убийство действительно совершил кто-то из наемников, ночью или утром станет известно и его имя, и, возможно, стоимость заказа. Ортеге нравилось быть помощником комиссара, и он не позволял Сантьяге усомниться в том, что тот сделал правильный выбор.

Комиссар поднялся на ноги, в последний раз оглядел кабинет Лужного и пообещал:

– Не беспокойтесь, Рудольф Васильевич, я найду того, кто виновен в вашей гибели.

* * *

*Бар «Кружка для неудачников»
Москва, Николаямская набережная,
25 сентября, понедельник, 15:07*

Поездка в Московскую обитель подкосила и без того традиционно низкий боевой дух дикарей. Бойцы копытовской десятки были угрюмы, малоразговорчивы, и даже бутылка виски, которой они открыли пребывание в баре, не подняла настроение. Красные Шапки мрачно вмазали по стакану и продолжили молчать, избегая смотреть друг на друга. Слышалось лишь «Эх, мля!», «Блин!» и «Влипли!». Со вздохами разлили по второй, хряпнули, и Копыто на правах уйбуя начал нелегкий разговор:

– Решать чего-то надо, мля. В натуре.

– А чего решать? – взвился скандальный Иголка. – Теперь все – труба. Эрлийцы куплены, лечить Кувалду не станут...

– Может, к челап пойдем? – предложил Контейнер. – Отвезем фюрера в госпиталь какой-нибудь?

– У Гниличей сколько народу в клане, а? А у Дуричей? Наверняка они уже все человеческие больницы перекрыли и нас ждут.

Склонный к паническим настроениям, Иголка всегда предполагал худший вариант, и на этот раз ему удалось убедить сородичей в своей правоте. Бойцы переглянулись и покивали головами: рисковать из-за Кувалды им не хотелось.

– Я проверял: великий фюрер дышит, – сообщил Копыто. – Оклемается, наверное.

– А если не оклемается?

– А когда я его щупал, то пульс еле-еле различил, – высказался вредный Иголка.

Валяющийся в багажнике Кувалда периодически подвергался ощупыванию любопытными сородичами, и теперь каждый боец имел собственное мнение относительно самочувствия фюрера.

– Эй, бойцы, заказывать будем или как? – Дикари были единственными посетителями «Кружки для неудачников», и бармен, конец по имени Хуций, решил улучшить экономические показатели заведения. – Чего просто так сидите?

– Неси, – распорядился Копыто.

– Деньги готовьте.

Хуций вытащил бутылку дешевого пойла, без которого мозги Красных Шапок отказывались работать, и медленно поплелся к столику дикарей.

– А давайте Кувалду куда-нибудь денем? – предложил Иголка.

– Я тебе деду! – возмутился Копыто. – Он же наш фюрер!

– А чего он тогда дохлый такой? – осведомился паникер. – Фюрер должен быть ого! – Иголка развел руки в стороны, показывая, каким именно «ого!» должен быть Кувалда. – Он вешать нас должен и ругаться. А этот только и знает, что в багажнике валяться да головой об пол стучаться на кочках.

– Так вот что это за звук был, – меланхолично заметил Контейнер. – А я думал, с машиной чего.

– Очнется – повесит, – пообещал Копыто.

Уловивший намек Иголка незамедлительно выдвинул следующую идею:

– Тогда давайте Кувалду сами мочканем, а? Чтобы он нас не повесил потом. И скажем, типа, что все кончилось.

Опешивший от такой наглости уйбуу не нашелся, что ответить, но за него неожиданно вступился Контейнер:

– Все только начнется, в натуре.

– Чего начнется?

– Кто вместо Кувалды великим фюрером станет, а? Ты, что ли?

– Могу и я, – приосанился Иголка.

– С какой это радости?

– Ты сам предложил. – Ошалевший от перспективы боец вцепился в принесенную Хуцием бутылку и возбужденно взмахнул ею: – Давай я убью Кувалду и стану великим фюрером?

– Да я тебя быстрее убью! – опомнился Копыто.

– За виски платите, – предложил Хуций. – А потом убивайте друг друга на здоровье.

– Фюрером или Гнилич станет, или Дурич, – пробурчал Контейнер. – И он нас все равно обязательно повесит.

– Это еще почему?

– Потому что мы Шибзичи и вешали тех, кого Кувалда говорил.

– А мы скажем, что по принуждению. Пусть Копыто вешают, он и так всем надоел.

Остальные бойцы десятки, до сих пор не принимавшие участия в обсуждении судьбы великого фюрера, сдержанно заворчали, показывая, что в целом в предложении Иголки что-то есть: пусть Копыто казнят, а от них отстанут.

– Всех не перевешают! – завопил поймавший кураж Иголка. – Веревка не хватит или устанут. А за то, что мы Кувалду шлепнем, они нам еще благодарность какую выдадут.

Дикари оживились.

– Думаешь, денег дадут?

– А то! Или виски!

– Вы платите собираетесь или нет?

Но Хуция не услышали.

– Мы ведь для всей семьи подвиг совершим! – продолжил Иголка. – А если кого из Шибзичей повесят, то тех, кто одноглазому задницу лизал.

Все снова посмотрели на Копыто.

Уйбуй понял, что времени у него осталось совсем чуть-чуть. Еще пара минут, и агитация Иголки принесет плоды: Кувалду шлепнут, а его сдадут Гниличам. Или Дуричам, что, в общем-то, одно и то же: и тех, и других Копыто перевешал достаточно.

– Я в последний раз говорю: платите за виски! – Но бармен выступал недостаточно активно, к тому же ему было интересно послушать, чем закончится красношапочная разборка.

– Мы не можем убить Кувалду, – промямлил Копыто.

– Это еще почему? – Иголка демонстративно положил руку на ятаган.

– Я знаю тайну!

Хуций наострил уши.

– Какую?

– Кувалда... – Копыто понял, что заврался. Подходящей тайны в запасе не было, пришлось выдумывать на ходу, талант к чему у уйбуя отсутствовал напрочь, и его взгляд принялся блуждать по бару. – Это важная тайна...

– Какая?

– Да врет он все!

– Копыто врать не умеет!

– Точно! Он ведь тупой!

– Все, уйбуй, отбегался!

– Вместе с одноглазым, блин.

И в этот момент взгляд Копыто упал на постер, украшающий одну из стен бара: саблезу-бая белка в ковбойской шляпе заливчатски палит в кого-то из двух огромных револьверов.

«Белка!»

– Кувалда – сын князя!

– Какого князя? – не понял Иголка.

– Того самого, придурок! – Придумавший спасительную тайну уйбуй почувствовал себя значительно увереннее. – Темного Двора, мля!

У Хуция отпала челюсть. Оцепеневшие бойцы почти полминуты переваривали заявление Копыто, после чего Контейнер покачал головой:

– Врешь!

Дикари неуверенно засмеялись. Действительно! Виданое ли дело? Сын князя, мля! Хе-хе...

– А почему он такой умный, а? – Копыто перешел в атаку. – Почему Кувалда столько лет великий фюрер, а его до сих пор убить не смогли? И сейчас не сумели, а? – Оглушенные фактами бойцы перестали смеяться. – А я скажу, почему! Потому что он все наперед знает и ваше почти родственник Спящего! Ясно вам, кретины? К тому же Кувалда родился ночью! В самую тьму!

– Откуда знаешь?

Уйбуй вырвал у Иголки бутылку, отвернул пробку, сделал большой глоток виски из горлышка, кулаком вытер губы и высокомерно поинтересовался:

– Вы видели, как фюрер родился?

– Нет.

– Вот и получается, что он это сделал ночью, когда мы спали! – Копыто победоносно огляделся и протянул Хуцию несколько купюр: – Тащи еще виски, мля! Мы с пацанами теперь думать станем.

* * *

Кафе «У Лизы»

Москва, улица Старая Басманная,

25 сентября, понедельник, 15:09

– У меня не очень много времени, – вздохнул Крохин. – Еще одна точка сегодня, едва уговорил Уткина отпустить меня на пятнадцать минут.

Он жадно впитывал каждое мгновение, которое проводил рядом с Кариной, наслаждался ее присутствием, звуками ее голоса, жестами, ловил взгляд ее красивых глаз. Он был почти счастлив.

Почти, поскольку заметил, что Карину его сообщение не особенно расстроило. Пятнадцать, значит, пятнадцать. Если бы Виктор примчался всего на пару минут, девушка не почувствовала бы разницы.

– Что у тебя с рукой?

– На даче поранился.

– Сильно? – Карина спрашивала не участливо, а обыденно. Так спрашивают о погоде и других рядовых мелочах.

– Нет.

Они встретились в небольшой кафешке, расположенной неподалеку от школы Солнечного Озера. Заказали по кофе, по пирожному, уселись за маленький столик, едва не касаясь друг друга, но свиданием их встреча не была – так, пересеклись по делу. Поболтают и разбегутся.

Крохин тяжело вздохнул.

– Выглядишь не очень, – заметила Карина. – Устал?

– Ага, – подтвердил Виктор. – Вернулись вчера поздно, вот и не выспался.

– Конец сезона?

– Что б его!

Девушка улыбнулась:

– К счастью, я от этого балагана избавлена. Сразу сказала родителям, что на дачу ни ногой.

– Можно только позавидовать.

В последнее время Крохин испытывал при их встречах смешанные чувства. Он понимал, что Карина его не любит, что приезжает только потому, что ей что-то от него надо, что прошлое ушло безвозвратно...

Да и не было ничего особенного в «прошлом». Поцеловались пару раз, потискались в подъезде, и все. С тех пор, как Карина переехала на Ленинский, их редкие поцелуи стали исключительно «братскими», исключительно в щечку, исключительно равнодушными. Если когда-то между ними и вспыхивали искорки, то теперь от них не осталось и следа.

«Она меня не любит...»

А самое ужасное заключалось в том, что Крохин понимал: любить его такой девушке, как Карина, особенно и не за что. Он не из ее «круга». Он не смог поступить в институт и до конца жизни будет работать на невысокой должности. Да, он хороший специалист, а со временем станет еще лучше, он не останется без куска хлеба, но его потолок – машина в кредит и маленький загородный участок с деревянным домом. Разве о таком спутнике мечтает честолюбивая ведьма?

«К тому же я трус...»

Виктор считал, что именно этот недостаток ломает ему жизнь. Он боялся всегда и всего. Что вызовут к доске – хотя был прекрасно готов к уроку. Что Колян из соседнего подъезда опять потребует «в долг» – без возврата, разумеется, – выданные мамой карманные деньги, при этом был Колян таким же замухрышкой, как Виктор. Одним словом, Крохин постоянно боялся, что у него что-нибудь не получится. И у него не получалось. У доски краснел, неразборчиво мямлил и получал «три с минусом» из жалости. А Колян тратил его деньги.

Теперь же он теряет свою любовь...

Но все поправимо! Он сумеет измениться, сумеет обрести уверенность, и тогда Карина поймет, что рядом с ней сильный мужчина, на которого можно положиться.

«Я сумею!»

Пока же оставалось лишь смотреть на нее, любоваться и ревновать.

– Кроха! Уснул? – Карина потрепала приятеля по руке.

Виктор сбросил с себя оцепенение.

– Извини, задумался.

«Как же приятны ее прикосновения!»

– Кроха, миленький, выручишь меня?

– С удовольствием.

– У меня доклад по высшей магии Чуди горит. Инфа нужна.

– Инфа или сам доклад?

– Кро-оха, я даже не предполагала, что ты можешь...

Она врала, но ему все равно было приятно. Разумеется, ей нужен сам доклад: инфу по высшей магии можно собрать без особых проблем, но кто скомпонует ее в связный текст? Карина особыми талантами не отличалась, а он, благодаря своей должности, может незаметно подключиться к архиву школы и скачать любой доклад. После чего Карина его слегка переделает и выдаст за свой.

– Я буду тебе так благодарна...

– Конечно, сделаю, – вздохнул Крохин. – С удовольствием сделаю.

Но с гораздо большим удовольствием он сделает другое дело. Небольшое, сугубо личное мероприятие, запланированное на сегодня. И тоже имеющее отношение к Карине.

* * *

*База дружины домена Сокольники
Москва, Богородское шоссе,
25 сентября, понедельник, 16:16*

Из всех баронов Зеленого Дома Мечеслав, по общему мнению, проявлял наибольшую заботу о своей дружине, благодаря чему боевой отряд домена Сокольники считался лучшим подразделением Люди, уступая лишь дружине Дочерей Журавля – королевской гвардии боевых магов.

База «соколов» находилась в покоем на ангар строении, укрытом от посторонних взглядов густыми ветвями деревьев и высоким забором, была оснащена по самому последнему слову военной науки, и именно здесь, а не в официальной резиденции, располагалась подлинная штаб-квартира домена. На Богородском шоссе Мечеслав находил большую часть времени, здесь проводил совещания и принимал посетителей, и именно сюда примчался после разговора с Всеславой.

– Аналитики напрямую связывают карьерный взлет барона Мечеслава с шумным празднованием юбилея барона Ратомира. Споры вызывает лишь вопрос, что именно стало причиной назначения: беспорядки на Триумфальной площади или последовавшая за ними вечеринка на Коста-Флибустьер, о которой в городе ходят самые противоречивые слухи...

– Проклятье! – Сидящий за столом Мечеслав потянулся, выключил радио, однако облегчения это ему не принесло: открытая на мониторе новостная лента «Тиграком» уделяла «карьерному взлету» не меньше внимания, чем радиостанция Тайного Города:

«Означает ли столь многозначительное назначение барона Мечеслава то, что он потерял расположение ее величества и вскоре у трона появится другой фаворит? С этим вопросом мы обратились к знаменитому знатоку кулуарной жизни Тайного Города...»

– Они что, сговорились, клянусь ушами Спящего?! – Барон зарычал, однако смахивать со стола монитор не стал (хотя очень хотелось), просто закрыл «окно», откинулся на спинку кресла... И поморщился, услышав трель мобильного телефона: – Да!

– Добрый день, господин королевский министр по делам Красных Шапок. Я звоню вам по поручению ее величества. – Ямания говорила преувеличенно серьезным тоном, однако Мечеслав не сомневался, что ехидная канцелярская крыса едва сдерживает хохот: – Королева хотела бы знать, составили ли вы план первоочередных действий?

«Зараза!»

Скулы сводило от бешенства, поэтому барону пришлось помолчать несколько секунд и лишь после этого вежливо ответить:

– Как раз этим и занимаюсь. – Он не хотел терять лицо перед Яманией. – Мои лучшие аналитики просчитывают различные версии будущего вверенной моим заботам семьи.

– Замечательная новость, – хихикнула секретарь ее величества. – О каком периоде идет речь?

– Три года.

– Я сообщу королеве эту радостную весть. Однако ее величество уже изволили заметить, что ваши таланты позволят разработать проект стратегического развития этой важнейшей для Зеленого Дома семьи годиков этак на десять-пятнадцать.

– Передайте ее величеству, что я приложу все силы.

– С удовольствием передам.

«Не сомневаюсь!»

Мечеслав нажал «отбой», громко выругался, подумал и нехотя набрал номер Кувалды: если королева узнает, что он еще не связывался со своими подопечными, то разозлится еще больше.

– Где и как сдохнет Кувалда, никому не интересно, – разглагольствовал Булыжник, сидя в великофюрерском кресле. – Одноглазый уже вышел в тираж, и плевать все на него хотели адназначна.

– Для народа важно, – заметил Маркер. – Народ хочет, чтобы новый фюрер был героем.

Убийство предшественника являлось для Красных Шапок подтверждением безусловной доблести и позволяло исполнителю претендовать на ставший вакантным пост. Потом следовало долго лить грязь на убиенного и всячески открещиваться от его наследия, обещая вести семью к принципиально другим радужным далям.

– Пережитки, – махнул рукой Дурич. – Люды что сказали? Чтобы междоусобиц не было. А убийство Кувалды – это что? Междоусобица адназначна. Так что если этот дурак Шкура одноглазого замочит, это даже к лучшему. Мы на Гнилича Всеславе нажалуемся, она велит его повесить, а великим фюрером станет...

В кабинете повисла тишина.

– Кто? – не выдержал боец Трубка.

– Я стану, кретин! – раздраженно объяснил Булыжник. – Потому что у меня будет кабинет, печать и кресло. Понятно вам, идиоты?

Бойцы переглянулись, но спорить не рискнули. Уйбуй глотнул виски прямо из горлышка и посмотрел в дальний угол кабинета, где колдовал над семейным сейфом боец Отвертка.

– Ну, как там у тебя?

– Не получается, – горестно пробубнил назначенный взломщиком Отвертка, тыча пальцами в кнопки кодового замка. – Хитрый Кувалда очень сложный номер придумал, я никак не разгадаю.

– Ты ваще бестолочь! – подал голос Трубка.

– Я все правильно делаю, – огрызнулся Отвертка. – Вот сюда нажимаю цифры, потом вот сюда нажимаю, чтобы открылся, а он не открывается, собака.

– А ты какие цифры нажимаешь?

– Вот эти! – «Медвежатник» кивнул на кнопки с изображением цифр от 0 до 9. – Ты чо, в школу не ходил?

– Надо сейф из стены выковырять, – предложил Маркер. – Я видел, что такие сейфы только снаружи крепкие, а где стена, тама жесьть.

– Или динамитом, – добавил Трубка.

– Не позволю свой офис рушить, – жестко отрезал Булыжник. – Здесь и так бардак...

Разграбление кабинета началось, разумеется, с ревизии бара отсутствующего фюрера. Но поскольку этим делом занимались еще благородные члены Совета по оборонным и неотложным делам, бойцам Булыжника ничего не досталось, и они завистливо косились на разбросанные повсюду пустые бутылки. Затем пострадал стол Кувалды – уйбуи перетряхнули ящики и раскидали бумажки. Денег не нашли, а читать документы не стали, потому что некогда. Затем члены разбрелись по Форту, а шустрый Булыжник ввел в кабинет своих бойцов и велел заняться сейфом, о котором другие уйбуи в революционной горячке позабыли.

– Там, наверное, казна семейная, – мечтательно произнес Трубка.

– И печать, – добавил уйбуй.

– Слышь, Булыжник, а зачем нам печать?

– Так положено. Если у тебя печать, значит, ты адназначна крутой перец. Или бухгалтер.

Услышав слово «бухгалтер», бойцы зачмокали от удовольствия: среди шасов, известных финансовых воротил Тайного Города, бедняков не наблюдалось, а потому быть бухгалтером означало для Красных Шапок подъем на уровень вечного достатка и благосостояния.

– Печать – это хорошо, – вздохнул Трубка.

– Слышь, Булыжник, но ты ведь не станешь бухгалтер, да? – уточнил Маркер. – Ты ведь великий фюрер станешь.

– Ну?

– А кто будет бухгалтер? Может, из нас кто?

Бойцы переглянулись, внимательно изучая конкурентов на теплое место.

– Я цифры знаю, – припомнил Отвертка. – Только что их повторил. Я и стану бухгалтер.

– Если бы ты код разгадал, тогда, может быть, – презрительно ответил Трубка. – Но ведь ты тупой. А бухгалтеры тупыми не бывают.

– Кто тебе сказал?

– Про бухгалтеров?

– Про меня?! – Отвертка вцепился в рукоять ятагана.

– Чего позеленел, дерево, горя хочешь? – Трубка решительно взялся за помповое ружье. –

Какой ты бухгалтер, если сейф открыть не можешь?

– Я хоть цифры знаю.

Поднявший важную тему Маркер мучительно размышлял, не пристрелить ли обоих конкурентов? Ведь в этом случае Булыжнику придется назначить бухгалтером именно его... Однако уйбуй имел на этот счет свое мнение:

– У Кувалды бухгалтера не было, значит, и у меня не будет.

Оспорить заявление вожака бойцы не успели – на столе зазвонил телефон.

– Пора приниматься за дела, – самодовольно произнес Булыжник и взялся за трубку. –

Алле?

– Кувалда?

– Не-а.

– Секретарь, что ли?

– Я – кто? – Уйбуй не сразу сообразил, о каком секрете идет речь.

– Вот я и хочу узнать, кто ты?

– А ты?

– Барон Мечеслав! – рявкнуло в трубке.

– Черт! – Дурич побледнел и подобрал пузо: – А я Булыжник. Уйбуй Булыжник.

– Ты где?

– В кабинете.

– Гм... значит, номер у меня правильный...

Булыжнику не часто доводилось беседовать со столь важными персонами, как барон Зеленого Дома, а потому он старался изо всех сил:

– Чего изволите?

– Я не изволю! Я размышляю!

– Приятного аппетита.

Из трубки послышался стон.

– Обжирается, гад, – прошептал уйбуй.

– А чего он тебе звонит во время обеда? – возмутился Маркер. – Типа, не уважает?

– Не мне, а Кувалде, – перевел стрелки Булыжник.

– Ну, Кувалде можно.

– Где фюрер? – поинтересовался Мечеслав.

– Фюрер у нас поломался чего-то, работать перестал, – охотно поведал уйбуй. – Упал и лежал весь белый. Мы теперь...

«Черт! Этого не хватало! Только не сейчас!!»

– Вы убили Кувалду?!

– Еще нет. Не успели, блин, его унесли куда-то... – Бульжник грустно вздохнул, но, вспомнив, что пред лицом начальства следует демонстрировать оптимизм и бодрость, радостно гаркнул: – Но мы его ищем!

«Трындец, – меланхолично подумал барон. – Междоусобица. Всеслава меня с потрохами съест...»

Или засмеет.

– Не извольте беспокоиться, – продолжил уйбуй. – Как только найдем, мы его...

«Стрельба еще не началась. Это хорошо».

– Бульжник!

– Да, господин барон!

– Если вы, придурки, устроите в Форте побоище, я из вас душу выну. Понятно?

– Э-э...

– И всем передай!

Барон бросил трубку.

Уйбуй оглядел подчиненных, передохнул и горделиво заметил:

– Видали? Он меня на «вы» стал называть!

В ответ дикари почтительно покивали.

Положение становилось критическим. Если час назад Мечеслав был объектом всеобщих насмешек, то теперь...

«Радуйся, Всеслава, – месть удалась!»

Стоит Красным Шапкам затеять драку, и насмешки мгновенно перерастут в издевки:

«Вы слышали? Барон Мечеслав не смог совладать с дикарями!»

«Как? Он ведь такой умный».

«Получается, не такой».

«Я всегда говорила, что эти мужчины...»

Не так давно барон сумел поддеть заносчивых колдуний, доказав им, что ум не обязательно идет рука об руку со способностями к магии. Но стоит оступиться, и шишки посыплются со всех сторон.

«Бульжник сказал, что Кувалда отключился. Неужели кто-то из колдуний специально вырубил фюрера, чтобы насолить мне?»

Положа руку на сердце, Мечеслав бы не удивился, окажись все именно так. Но что проку искать виноватых? Сейчас нужно срочно решать, как справиться с ситуацией.

От горестных размышлений барона отвлек стук в дверь.

– Извините, что без доклада.

– Волеполк! Ты как раз нужен!

Старый дружинник вошел в кабинет и остановился перед столом, вопросительно глядя на вождя. Волеполк служил еще отцу Мечеслава и был одним из тех, кому барон доверял безоговорочно. К тому же у него был потрясающий нюх на собственную необходимость, и он знал, когда нужно заявиться к повелителю. Даже без доклада.

– Ее величество милостиво... Гм...

Мечеслав сбился. Волеполк, который, разумеется, был в курсе последних событий, удивленно приподнял левую бровь.

– Ее величество оказала мне честь...

Старый воин поднял вторую бровь, и теперь на его лице присутствовало редкое выражение полнейшего недоумения.

– Короче, я поссорился со Всеславой, – устало произнес барон.

– Такое уже случалось, – со всей возможной корректностью отозвался Волеполк.

– К сожалению, на этот раз дело зашло слишком далеко, и ее величество... Ее величество решила мне досадить. Высочайшим указом я назначен главным королевским министром по делам Красных Шапок. – Мечеслав пристально посмотрел на старого воина, но тот остался бесстрастен. – А у этих кретинов назревает междоусобица.

– Я возьму пятерых дружинников и съезжу.

– Да, узнай, в чем там дело, – кивнул барон. Подумал и добавил: – Для начала доходчиво объясни дикарям, чтобы не смели стрелять. А когда вернешься, решим, что с ними делать дальше.

– Понял.

– Действуй. – Мечеслав вздохнул: – А я пока попробую помириться со Всеславой.

* * *

*Цитадель, штаб-квартира Великого Дома Навь
Москва, Ленинградский проспект,
25 сентября, понедельник, 17:01*

Навь – это Тьма, а Тьма – это Навь.

Любой житель Тайного Города знает эту нехитрую аксиому назубок. Одни впитали ее с молоком матери, другим рассказали родители, третьих просветили в магической школе.

Навь – это Тьма.

И личный кабинет князя Темного Двора, безымянного повелителя своенравных навов, представлял собой квинтэссенцию этого изречения. Царившая в помещении Тьма была совершенной каплей идеальной черноты. Всепоглощающим мраком, в котором можно было утопить даже звезду. Нечастые посетители испытывали в кабинете волнение, иногда принимавшее форму очевидной нервозности. Оно охватывало даже самых сильных магов Тайного Города – прикосновение к первозданному черному никого не оставляло равнодушным.

Тьма обволакивала. Тьма давила.

Сумрачный дизайн кабинета воздействовал на всех... кроме Сантьяги, на которого он не производил ровным счетом никакого впечатления. Неудобств комиссар тоже не испытывал – он редко записывал что-либо во время совещаний, – а потому, обсуждая с повелителем текущие дела, Сантьяга или сидел на столе, или беззаботно расхаживал по комнате, периодически оказываясь за спинкой простенького деревянного кресла, которое занимал князь.

– Таким образом, несмотря на то что Источники всех Великих Домов работают на пике активности, ни люды, ни чуды активных действий не планируют. Тайный Город медленно погружается в зимнюю спячку.

В последнее время политическая жизнь Тайного Города действительно напоминала спячку. Даже последовательность спячек: зимняя сменяла осеннюю, затем приходила весенняя, а за ней – летняя, и все начиналось сначала. Вызвано это было тем, что случившаяся не так давно война Великих Домов основательно покосила главные семьи Тайного Города, и люды с чудами перестали поигрывать мускулами. Затем изрядную трепку получили мятежные масаны, что прекратило набеги и сделало временно ненужными «походы очищения», и если бы не появление одного старинного недруга, скука комиссара имела бы все шансы перейти в затяжную хандру.

– Ты по-прежнему ведешь бурную светскую жизнь?

– Надо как-то спастись от серых будней, – объяснил Сантьяга.

– Я бы рекомендовал тебе реже появляться в публичных местах, – пробубнил князь. – Надо больше думать о безопасности.

Сантьяга понял, что имеет в виду князь. Доклад о положении дел в Тайном Городе окончился, и повелитель Нави вернулся к теме, которая беспокоила его последние месяцы.

– Я знаю нынешнее тело Ярги.

– А он знает Слово князя.

– Против меня оно бессильно.

– Он может сменить тело и подобраться к тебе на расстояние удара.

– В другом теле Ярга не опасен.

Обмен репликами повторялся не в первый раз и всегда заканчивался одинаково:

– Ты слишком самоуверен!

– Вы считаете, что необоснованно? – Сантьяга попытался пристроиться на подлокотник княжеского кресла, но безуспешно. – В ближайшее время нам не следует ждать от Ярги активности. Он взял время на осмысление ситуации. Он будет изучать мир, готовиться к новой атаке и искать помощников. Нам же, к сожалению, придется сосредоточиться на анализе и выискивать следы его деятельности по остаточным признакам. Контрразведка.

– А мне нравится, что в Тайном Городе тихо, – проскрипел князь. – Мне никто не мешает.

– Вам и раньше не особенно докучали.

– Только ты постоянно прибегал за советами.

– Проверить, живы ли вы...

– Не строй из себя шута.

– Что плохого в том, что у меня хорошее настроение?

– Ты начинаешь действовать мне на нервы.

– Вы столь нежны?

Князь хрюкнул.

Сантьяга вежливо помолчал, предоставляя повелителю возможность высказаться, понял, что продолжения не будет, и развил свою мысль:

– Отсутствие активных действий со стороны Ярги плохо тем, что у некоторых иерархов появляются признаки паранойи. Мы ищем его следы, тратим время, ресурсы и... – многозначительный взгляд, – ...и нервы. Которых, как выяснилось, у нас не так уж и много. Мы находимся в режиме ожидания. Мы отдали инициативу Ярге, а вам хорошо известно, как он умеет распоряжаться такими подарками.

– Вряд ли он что-нибудь придумал за те месяцы, что у него были.

– Он в самом начале пути, – согласился комиссар. – Но следующий удар Ярги будет силен, и мы должны обязательно вычислить, на кого он станет опираться.

– Ты полагаешь, люды или чуды способны пойти с ним на компромисс?

– Ярге есть что предложить.

– А его репутация?

– У гиперборейцев репутация была еще хуже, а рыжие им доверились.

Что положило начало последней войне Великих Домов.

– Тогда сошлось несколько факторов.

– Ярга умеет раскладывать занимательные пасьянсы, – заметил Сантьяга. – К тому же у него есть Железная Крепость, которая может сыграть роль сыра в его мышеловке.

– Вряд ли Ярга умеет ею управлять.

Но комиссар сделал вид, что не расслышал реплику князя.

– Вот вы упомянули о репутации. И правильно упомянули. Все знают, что Ярга не согласится жить в Тайном Городе, ему нужен весь мир. Ярга – это большая война. Но если Всеслава и Франц понимают ее бесперспективность, то многие горячие головы из числа их подданных с удовольствием воспримут идею отобрать у челов планету.

– А среди навов? – глухо спросил повелитель Темного Двора.

Самый болезненный вопрос последних месяцев. Как поведут себя навы? Не расколется ли вернувшийся из небытия первый князь Великий Дом? Ибо в этом случае в Тайном Городе может начаться война «все против всех», на фоне которой самые страшные столкновения Великих Домов покажутся мелкими недоразумениями.

– Семья все еще пребывает под впечатлением от убийства Реги, – ответил Сантьяга. – Этот шаг Ярге трудно будет объяснить.

С тех пор, как Навь утратила власть над Землей и жалкие ее остатки укрылись в Тайном Городе, князь целенаправленно культивировал среди подданных понимание ценности жизни каждого нава. Темный Двор жестоко мстил за смерть своих, войны предпочитал вести руками наемников и големов, а то и просто сталкивая между собой Орден и Зеленый Дом, и потому легкость, с которой Ярга лишил жизни Регу, не добавила ему популярности среди навов.

Но он все равно оставался их первым князем.

– Полагаю, пока вы можете быть спокойны насчет подданных. – Сантьяга острил по поводу паранойи «некоторых иерархов», но прекрасно понимал, что основания для ее возникновения были весомые. – А теперь, если у вас нет больше вопросов, я бы хотел откланяться.

Но вопрос нашелся.

– У тебя новые запонки, – осуждающе пробубнил князь.

Бережливость считалась такой же семейной чертой навов, как и скверный характер.

– Вам нравятся? – улыбнулся Сантьяга. – Мне тоже. – Он поднес правую руку к лицу и полюбовался на черные бриллианты. – Тархану Хамзи доставили четыре очень крупных камня. Я не смог устоять.

– Иногда мне кажется, что мы напрасно не контролируем твои расходы, – желчно пробурчал повелитель Нави.

– Мои новые запонки играют важную роль в обеспечении безопасности Великого Дома Навь, – официальным тоном произнес комиссар.

Повелитель Темного Двора оторопел:

– Каким же образом?

– Мне в них комфортно думается.

* * *

***Южный Форт, штаб-квартира семьи Красные Шапки
Москва, Бутovo, 25 сентября, понедельник, 18:35***

Положение сложилось патовое.

Кувалда обустроил свой кабинет в самом высоком месте Южного Форты – на последнем этаже единственной башни, входную дверь в которую теперь защищали поддерживающие Бульжника Дуричи. Металлическая преграда и вооруженные бойцы во всех окнах встали на пути Гниличей, которых повел в офис срочно вернувшийся в Форт Шкура. Не желая пока затевать полномасштабное сражение, уйбуй начал переговоры и, к своему глубокому разочарованию, понял, что Блямба не обманула.

– Бульжник! Впусти на хрен!

Орать в матюгальник на глазах сородичей было делом унижительным, но другого выхода не оставалось.

– Зачем? – донеслось из открытого окна кабинета.

– Я тоже хочу!

– Ты башку кувалдинскую привез?

Соврать Шкура не мог:

– Нет!

– Тогда сиди внизу и жди распоряжений великого фюрера!
– Какого еще фюрера, на хрен?
– У какого печать, адназначна! Других не будет!
– А у кого печать?
– Узнаешь! – Бульжник не стал уточнять, что сейф до сих пор не вскрыт, однако, в отличие от незадачливого Шкуры, у Дурича была возможность потянуть время. – Увидишь указ и узнаешь адназначна!

Гниличи заволновались.

– Профукал фюрерство, кретин, – прошипела Блямба.

– Еще нет. – Шкура на глазок пересчитал сторонников и тихо пообещал: – Сейчас дверь взорвем, на хрен...

– Чтобы тебя королева повесила?

– За что?

– За междоусобицу!

– Черт! – Уйбуй наморщил лоб. – Да она не узнает, на хрен. Мы ведь ей не скажем, а?

– Мы не скажем, – Блямба мстительно улыбнулась и указала на ворота Форта: – А они?

Шкура повернул голову и сдавленно пискнул, увидев темно-зеленый «Лендровер» и выбирающихся из него белокурых здоровяков. Увлеченные Гниличи прозевали явление дружинников барона Мечеслава и теперь испуганно расступались, опасливо поглядывая на людов.

– Всё, – прошептал Шкура, – кранты революции.

Блямба молча сглотнула. Откуда-то сверху радостно заржали.

Волеполк холодно оглядел дикарей, выдержал многозначительную паузу и громко сообщил:

– Стрельба отменяется!

Желая произвести впечатление на Красных Шапок, старый воин приказал дружинникам отправиться в Форт в полной боевой выкладке: темно-зеленая униформа, тяжелые ботинки с металлическими набойками, широкие пояса с пистолетными кобурами, боевыми жезлами и фирменными топориками «соколов». Выглядели люды внушительно.

– А мы и не собирались! – нервно воскликнул Шкура, больше всего опасавшийся, что дружинники с ходу начнут направо-налево кромсать нарушителей королевского приказа.

– Вот и молодцы.

Демонстрировать оружие дружинники не стали – зачем? Красные Шапки и так прекрасно понимали, на что способны пятеро людов.⁹ Магией они не владели, но физической силой с ними могли сравниться разве что навы, и разогнать толпу дикарей для них не составляло никакого труда.

– Что тут у вас происходит? – осведомился Волеполк.

– Разговариваем, – услужливо доложил Шкура. – Беседуем туда-сюда, на хрен.

– А где Кувалда?

– Прячется, подлец.

– Это понятно. – Волеполк поморщился. – Где прячется?

– Кабы знать, на хрен.

Старый дружинник ткнул пальцем в Шкуру.

– Ты здесь главный?

Уйбуй в панике покосился на сородичей, но те стали медленно расплзаться и угодливо кивать: «Он главный, он. Бери его, батюшка!»

⁹ В трактате Сирута Хамзи «Войны и другие неприятности, доставляемые Зеленым Домом» (432 г.) описан случай двадцатиминутного удержания дружинником на вытянутой руке десяти привязанных к веревке дикарей (трое задохнулись, остальные упали в пропасть, над которой их, собственно, и удерживали).

«Пропал!»

– Главный может остаться, а остальные...

Речь Волеполка прервал въехавший во двор фургончик «Тиградком», из которого горохом посыпались корреспонденты. Один достал диктофон, другой – блокнот, оператор настроил камеру.

– У них митинг!

– Замечательно!

– Они радуются?

– Наверное.

Начавшие разбегаться дикари остановились и принялись с любопытством таращиться на журналистов. Волеполк недружелюбно насупился:

– Ну?

Однако надавить на шасов не получилось – не те клиенты. Репортеры понимали, что их прикрывает широкая спина Темного Двора, а потому не обратили на людов особого внимания.

– Мы хотим поговорить с Кувалдой.

– А также узнать, как изменилась жизнь простых Красных Шапок после назначения барона Мечеслава королевским министром их дел.

– Барон здесь?

– Нет! – рявкнул Волеполк. – И вы...

В этот момент Блямба, понявшая, что появление шасов спутало страшному дружиннику карты, оттолкнула впавшего в ступор Шкуру и смело шагнула вперед:

– Зачем вам Кувалда?

– Мы хотели узнать, как великий фюрер отнесся к назначению барона Мечеслава на пост королевского министра по делам Красных Шапок, – немедленно среагировал ближайший журналист.

Смысл длинного предложения ускользнул от понимания Блямбы. Усвоила она лишь то, что репортеров почему-то интересует судьба сбежавшего вождя.

– Кувалда ушел в отставку.

– О-па! – Журналисты переглянулись. – Это связано с назначением барона?

Вокруг Блямбы появились микрофоны, оператор взял ее лицо крупным планом, в глаза ударил свет лампы. Шкура подруга задохнулась от счастья.

– Скажите, это Мечеслав приказал сместить великого фюрера?

– Южный Форт захвачен дружинниками?

– Репрессии уже начались?

– Правда ли, что барон Мечеслав приказал повесить сотню Красных Шапок для устрашения?

– Что вам известно о действиях Кровавой Гэбни™?

– Повесить?

Дикари заволновались. Встревоженный Шкура попытался метнуться к «Средству от перхоти», но Блямба его перехватила и удержала рядом. Ей требовалась поддержка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.